Path.
1546
25

24.1546 W

ЛУДОВИКА КОРНЕЛІЯ
ВЕНЕЦІАНИНА

ОПЫТЪ

О
ПОЛЬЗѢ
ТРЕЗВЫЯ ЖИЗНИ.

переведенъ,
и
нужнѣйшими примѣчаніями
изъясненъ,
Докторомъ
Петромъ Погоретскимъ,
СИБИРСКАГО КОРПУСА
МЕДИКОМЪ.

Печатанъ при Императорскомъ
Московскомъ Университетѣ
1768. года.

24 8

Bayerische
Staatsbibliothek
München

20188/900

ЕГО
ІМПЕРАТОРСКОМУ
ВЫСОЧЕСТВУ
БЛАГОВѢРНОМУ
ГОСУДАРЮ
ЦЕСАРЕВИЧУ
ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ
ПАВЛУ
ПЕТРОВИЧУ
ВСЕРОССІЙСКОМУ
НАСЛѢДНИКУ
ВСЕМИЛОСТИВѢЙШЕМУ
ГОСУДАРЮ.

ВАШЕ ІМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО!

Опытъ діететическою жизнію столѣтіе пре-

пошедшаго Лудовика Корне-

А 3 лія,

лія, котораго и Алоизіемъ Корнаромъ называютъ, есть толь извѣстенъ въ Европѣ; что нѣтъ уже ни одного Государя, который бы его на своемъ языкѣ не видѣль.

Я призналь за долгъ предложить ВАШЕМУ ВЫСОЧЕСТВУ на рускомъ:

КОЛЬ

коль ни позда сіе для Россіи
случилось.

Естьли столько щастливъ
буду, что ВСЕРОССІЙСКІЙ
ІМПЕРАТОРСКІЙ НА-
СЛѢДНИКЪ благополитъ
удостоитъ пріятіемъ: доволь-
но для меня одобренія а для

Россіи пользы, въ пріумно-
женіи которыя остаюсь

ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА

всеподданнѣйшій рабъ
Докторъ Петръ Погоретскій.

ЛУДО-

ЛУДОВИКА КОРНЕЛІЯ
ВЕНЕЦІАНИНА
О ПЫТЪ
О
ПОЛЬЗѢ ТРЕЗВЫЯ (*a*) ЖИЗНИ.

* * *

Извѣстно, что привычка въ человѣкѣ отъ времени премѣняется въ естество: такъ что нѣкоторымъ образомъ принуждаетъ его употреблять то, къ чему онъ пріобыкъ,

(*a*) При вступленіи въ чтеніе сія книги читатель не долженъ разумѣть, яко бы славный ея Сочинитель, называя порядочную жизнь жизнію трезвою,

обыкъ, доброе ли оно или худое. Подобнымъ образомъ видимъ во многихъ вещахъ, что давнее употребленіе имѣетъ силъ больше, нежели всякое витійство. Сіе не только неоспоримо: но еще часто видимъ, что преподобный отъ привычки къ нечестивому дѣлается и самъ нечестивымъ. И, какъ благое обыкновеніе легко превращается въ злое: такъ напротивъ сего и злое нерѣдко приводится во благое. Ибо, кто изъ пре-

трезвою, трезвость относилъ единственно къ напиткамъ. На многихъ мѣстахъ своего сочиненія разумѣетъ онъ подъ симъ выраженіемъ и всякое съѣстное. Ибо слово Трезвость (*Sobrietas*), въ обширномъ его знаменованіи, какъ на Латинскомъ, такъ и на Рускомъ языкахъ, безъ поврежденія разума рѣчи берется иногда вообще за умѣренность или воздержаніе въ пищѣ, хотя собственно значитъ умѣренность не только во употребленіи, но и въ похотѣніи напитковъ.

преподобнаго по привычкѣ къ развращенному сдѣлался развращеннымъ: тотъ отъ всегдашняго обращенія съ мужемъ преподобнымъ паки возвращается въ прежнее преподобіе. Все сіе происходитъ отъ сильной власти употребленія и обыкновенія, которая истинно велика.

Что когда я самъ въ себѣ размышлялъ, то примѣтилъ, что силою употребленія не очень давно, или паче въ моемъ вѣкѣ, преселилися въ нашу Італію три злые обычаи. Перьвый есть ласкательство и придворные обряды. Вторый, сластолюбіе, или жить по чувствамъ тѣла и по Лютеранскому ученію: которой жизни способъ нѣкоторые недостойно обыкновеніемъ извиняютъ. Третій, піянство. Сіи три пороки, или лутше люпыя человѣческой жизни чудовища, въ наши времена искоренили въ гражданскомъ жи-

піи

тіи чистосердечіе, въ мыслѣхъ благочестіе а въ тѣлѣ здравіе.

Я предпріялъ писать о послѣднемъ, дабы, показавъ его злоупребленіе, коль можно оной прекратить. Что касаетсѧ до мнѣнія Люторанскаго и до ласкательствъ, нѣкій превосходнаго разума мужъ въ непродолжительномъ времени пріймет на себя трудъ и оныя опровергнуть. И такъ надѣюся, что прежде нежели умру, при сіи злоупотребленія увижу ищезающія, и нашу Італію къ древнимъ своимъ и святымъ обычаямъ паки обратившуюся.

Но приступая къ тому, о чемъ я писать вознамѣрился, въ началѣ говорю, что піянство есть дѣло вредное; понеже трезвую жизнь упразднило, и весьма многихъ себѣ покорило. Но хотя всѣ знаютъ, что пьяная жизнь происходитъ отъ порока пресыщенія,

а трезвая отъ добродѣтели воздержанія; однако винопійство почитается дѣломъ щедрымъ и почтительнымъ, трезвость же вещію гнусною и презрѣнія достойною. Все сіе, какъ уже выше сказано, раждается отъ овладѣвшей привычки (б) которую привнесли

(б) *Иппократъ*, упоминая въ своихъ Афоризмахъ о *Привычкѣ*, между прочимъ слѣдующее имѣетъ: *кто пріобыкъ употреблять пищу худую, того такая пища менше предитъ, нежели самая лутшая.* Примѣромъ сему могутъ быть замотерѣлыя но цѣломудрыя дѣвицы, такожъ брюхатыя женщины, которыя впадаютъ иногда въ странное прожорство и въ непреодолимую почти прихотливость такихъ неестественныхъ вещей, коихъ превращеніе въ питательной сокъ или трудное, или вовсе къ тому дѣлу неспособное; коихъ однако такое нераствореніе весьма мало вредитъ, естьли только привычныя оныя вещи съ осторожностію пожираютъ.

Въ

сли сластолюбивыя чувства и тѣлесная похоть, коими смертные толь сильно прикормлены и упоены, что, оставивъ благонадеждной прародительскаго долгоденствія путь, обратились шествовать по строптивому, который ихъ тайно низводитъ и повергаетъ какъ въ чужестранныя и смертоносныя недуги, такъ и въ безвременную старость; понеже прежде нежели достигнутъ сорока лѣтъ своего возраста, уже престарѣлыми бываютъ. Воздержная жизнь, доколѣ оную не оставили, всегда дѣйствовала сему противное, сирѣчь, сохраняя людей

въ не-

Въ сихъ случаяхъ благоразумный Врачь не долженъ ихъ лишать любезныхъ имъ снѣдей: но, да не впадутъ въ тоску въ изнеможеніе въ обморокъ и въ безумїе, долженъ нѣчто дозволить: пусть жуютъ и глотаютъ извѣсть, уголье, воскъ, бумагу, сургучъ, орѣховую шкорлупу, шерсть, клопы, и что сего ѣаже.

въ ненарушимомъ здравіи даже и на осмьдесятомъ году возраста.

О бѣдная и нещастная Италія! или ты не понимаешь, что излишнее напитковъ употребленіе всякой годъ у тебя больше знатныхъ лицъ умерщвляетъ, нежели бы могло похитить или время жесточайшаго моровато повѣтрія, или многія сраженія воинскія? Что сказать о пиршествахъ твоихъ, подлинно нечестныхъ, но къ нещастію твоему вездѣ ужѐ употребляемыхъ, кои столь велики и тяжестны, что превмѣстительные столы неищетнаго предлагаемыхъ кушаньевъ множества гораздо вмѣстить не могутъ; такъ что одни блюда сверьхъ другихъ надобно ставить костеромъ. Кто бы долѣе могъ жить среди толикихъ излишествъ, и жизни человѣческой вредительнѣйшихъ отравъ? Заклинаю тебя: положи себѣ во всѣхъ сихъ мѣ-

ру,

ру, понеже то неложно, что Величеству божію сія суть весьма непріятна. Отвратити новую сію смерть, неслыханную оную предками нашими язву, да не наноситъ толико вредовъ ни душѣ ни тѣлу. Когда ты общею властію учреждаешь полезныхъ качествъ съѣстные и питейные запасы, предпиши и въ употребленіи оныхъ умѣренность, которая бы съ здравіемъ твоихъ гражданъ согласна была. Для искорененія невоздержности въ пищѣ и питьи, найдутся у тебя домашнія средства, которыя всякъ употреблять можетъ: т. е. пусть живетъ по простотѣ естества, которое малымъ довольно; пусть изберетъ святаго воздержанія среднюю мѣру, и содержитъ по предписанію собственнаго разума; и пусть привыкнетъ не больше кушать, какъ сколько житейская необходимость требуетъ, но притомъ бы крѣпко помнилъ, что слово больше

есть

есть болѣзнь, а часто и самая смерть. Сего ради долженъ онъ помышлять, что гортанная сласть есть мгновенна, а причиненный тѣлу отъ нея вредъ и скука весьма долговременны, которыя на конецъ тѣло, по многомъ терпѣніи вмѣстѣ съ душею губятъ. Я видѣлъ многихъ изъ моихъ пріятелей преизряднаго ума и благороднаго колѣна людей, которые сею невоздержанія язвою еще въ цвѣтущихъ лѣтахъ поглощены, кои, естьли бы были живы, были бы и свѣту украшеніемъ, и многимъ смертнымъ утѣшеніемъ.

И такъ, дабы толикимъ бѣдствіямъ впредь пособить, я принялъ намѣреніе краткимъ симъ слогомъ открыть, что невоздержность есть злоупотребленіе, которое легко исправить можно, принявъ вмѣсто его жизнь трезвую. Я сіе тѣмъ съ большею

охотою сдѣлаю, понеже меня къ тому многіе разумные юноши склоняютъ.

Ибо когда они увидѣли, что родители ихъ преставились не достигнувъ еще и средняго возраста, а меня нашли 81. лѣтъ столь здраваго и крѣпкаго; то пришло къ нимъ желаніе дожить такихъ же лѣтъ: и для того начали меня просить, дабы имъ открылъ способъ, какой я хранилъ. И дабы честное ихъ желаніе удовольствовать, и притомъ помощь подать всѣмъ тѣмъ, кои о семъ разсуждать захотятъ, я объявлю причины, которыя меня побудили невоздержность оставить а принять житіе трезвое; потомъ перескажу способъ по которому я въ семъ дѣлѣ слѣдовалъ, и что дѣйствовало во мнѣ доброе сіе упражненіе. Отсюда ясно узнаютъ, коль легко преодолѣть невоздержности порокъ.

Прж

При концѣ упомяну и о томъ, сколько отъ трезвыя жизни плодовъ получаемъ.

Въ слѣдствіе сего говорю, что болѣзни, которыя во мнѣ не начинались только, но и гораздо уже было вкоренились, подали мнѣ причину оставить невоздержность (*п*), къ которой было я

 силь-

(*п*) Латинское слово *Crapula*, хотя общенародно слыветъ великимъ невоздержаніемъ во употребленіи такъ питейныхъ, какъ и съѣстныхъ вещей (*Шопин. Филос. Лексик.*): однако собственно взымается за пьянство, хмѣль, преисполненіе, хмѣльную силу, похмѣлье, головную боль отъ вина, и прочч. Сіе воперьвыхъ явствуетъ изъ Иппократова Афоризма 5. *Раздѣл. V.* гдѣ чрезъ *крапάλη* и самое дѣйствіе хмѣля, или вина разумѣетъ: *кои напившись допьяна подругъ сдѣлаются нѣмы, тѣ умираютъ въ судорогахъ; разпѣ когда приключится имъ горячка, или, когда дожившуть до того часа,*

сильно пристрастился. Посредствомъ сея страсти, и по хилости собственныя природы (ибо желудокъ во мнѣ былъ вьсьма хо-

лО-

въ которомъ дѣйствіе хмѣля (Crapula) престаетъ, и паки промолпятъ. Коль нужно въ Исторіи изелѣдованіе словъ по прямому ихъ разумѣнію, дабы въ многоименіяхъ не замѣшаться, и не взять одно за другое, мыслѣ Иппократова въ помянутомъ афоризмѣ довольно доказываетъ. Чувствовать отъ вчерашняго вина въ головѣ ломъ или дурному, значитъ иное, нежели въ самомъ упіеніи шумъ, или и того больше, внѣшнихъ и внутреннихъ чувствъ лищеніе; хотя на Латинскомъ то и другое тѣмъ же изъясняется словомъ. Въ перьвомъ случаи разумѣется человѣкъ, который избѣжалъ Апоплексіи (пом. Афор.): въ другомъ сія опасность причиною была, что нѣкоторые изъ Врачей начали было уже помышлять и о изобрѣтеніи средствъ, какъ бы предохранить человѣка отъ упіенія. Но сіи средства, такъ

на-

лоденъ и весьма мокротенъ) впалъ я въ разныя болѣзни, а именно въ желудочную колику, въ почечной рѣзъ, въ подагру, вмѣстѣ съ чахотною лихорадкою и всегдашнею жаждою. Отъ сего толь худаго расположенія ничего другаго не оставалось мнѣ ожидать, какъ только по скучной жизни и страданіяхъ, конца смертнаго: но мой животъ по своему

названныя *acrepala*, естьли что дѣйствуютъ, конечно для своей горечи. Плутархъ *въ Кн. Вопрос. о Пиршествахъ*, припоминаетъ достойную любопытства исторію о нѣкоторомъ Врачѣ, который у *Друза*, Тиверія Кесаря сына, всѣхъ гостей перепивалъ. Но дабы вмѣстѣ съ ними и самъ не сдѣлался пьянымъ, то за всякою рюмкою съѣдалъ по шести и по семи горькихъ миндалей. Что когда примѣтили и воспрепятствовали, тогда силѣ вина ни мало не могъ противиться. Нынѣ въ врачебной наукѣ наилутшее предохранительное средство почитается, *пить, но не пропивать разума.*

му естеству столько еще отъ сего конца отстоялъ, сколько къ нему приближался невоздержностію. И какъ я уже такимъ образомъ мучился отъ придцати пяти даже до сорока лѣтъ моего возраста, употребивъ и испытавъ всѣ лѣкарства безъ всякой пользы, то Врачи мнѣ сказали, что *осталось отъ моихъ болѣзней послѣднее лѣкарство, ежели захочу оное улотреблять постоянно, и продолжать терпѣливо, сирѣчь*, жизнь трезвая и порядочная, *которая къ позпращенїю и сохраненїю здравїя столькожъ много имѣетъ силы*, сколько ей *противная къ олроперженїю онаго и къ истребленїю*; *какъ то я уже собственнымъ олытомъ дознался. Оная людей слабаго сложенїя и престарѣлыхъ сохраняетъ въ здравїи: сїя и молодыхъ, и крѣпкаго сложенїя, низлагаетъ, и песъма долго въ болѣзни заключаетъ. Что и самой разумъ*

зумъ доказываетъ. Ибо противныя причины, противныя имѣютъ дѣйствія и слѣдствія: естественные пороки часто исправляетъ искусство, а хитростію земледѣльства и неплодныя земли приводятся въ плодоносныя. Къ сему прибавили и то, что *если я сего средства не употреблю, то въ нѣсколько мѣсяцей въ такое состояніе приду, что уже пособить мнѣ больше не льзя будетъ; потомъ въ немногіе другіе умру.* Выслушавъ сіи доказательства, понеже мнѣ еще такъ скоро умереть нехотѣлось, а болезней трудами угнѣтаемъ былъ непрестанно: то наконецъ призналъ, что изъ воздержанія и невоздержанія необходимо вышеобъявленнымъ противнымъ слѣдствіямъ быть должно; и будучи благою надеждою ободренъ, что и смерти избѣгну, и отъ мучительныхъ болей свобожусь, положилъ твердое намѣ-

реніе вступить въ порядочную жизнь.

И такъ, получивъ отъ нихъ способъ, по которому я долженъ былъ поступать, тотчасъ узналъ, что я не могу ни кушать ни пить, кромѣ той только пищи и вина, которыя называются прокормленіемъ болящихъ, да и то въ умѣренномъ (г) количествѣ. То самое совѣто-

(г) Сколь много могутъ въ артритическихъ болѣзняхъ т. е. въ Утинѣ и въ Подагрѣ, малѣйшая мѣра пищи и воздержаніе отъ вина, довольно уповаю будетъ, когда изъ многихъ одинъ предложу примѣръ *Франциска Петія*. Сей славной Италіанской дворянинъ, пятидесятилѣтній мужъ, издавна уже подагрикъ, путешествуя чрезъ Германію, коварствомъ нѣкотораго Маркиза, который его сильно ненавидѣлъ, пойманъ былъ, и вверженъ въ весьма гнусную темницу. Стражу и попеченіе объ немъ поручилъ Маркизъ своему рабу, съ такимъ при томъ под-

совѣтовали мнѣ прежде: но, понеже мнѣ хотѣлось жить своенравно, и притомъ такою пищею гнушался, я тогда не соглашался, а кормился всѣмъ тѣмъ, что устамъ моимъ пріятнѣе казалось; и когда чувствовалъ внутренній жаръ, пилъ вкуснѣйшія ви́на, и притомъ весьма много, о чемъ однако Врачамъ ничего несказывалъ, какъ то сіе съ больными обыкновенно случается. Но послѣ, какъ положилъ

 хра-

подтвержденїемъ, чтобъ онъ велкой день плѣнику не больше для пропитанїя подавалъ, какъ шокмо малинькой кусочикъ хлѣба и нѣсколько воды, въ намѣренїи что только бы не умеръ, но всечасно бы съ смертїю боролся. На сей лїетъ содержался онъ въ той тюрмѣ 19. лѣтъ, въ которое время случилось, что Французы взявъ сей за́мокъ, нечаянно нашли заключеннаго съ предлинною бородою и въ весьма сказедныхъ рубищахъ, на харю больше нежели на человѣка похожаго, котораго изъ человѣколюбїя своего

пот-

хранить воздержаніе и стезю разума, и увидѣлъ, что такое дѣло непрудно, но паче собственная и принадлежная человѣку должность, я столько прилѣпился къ сему способу жизни, что отъ прямаго пути после никогда не уклонился. Что когда я учинилъ, въ немного дней после началъ чувствовать, что я такимъ порядкомъ весьма много поправляюсь; и когда потщился продолжать, то еще до году (хотя сіе кому по-

тотчасъ освободили. По изшествіи изъ гробнаго своего жилища, не взирая на семидесятилѣтную почти старость, возвратился онъ въ свое отечество пѣшеходцемъ, препоясанъ мечемъ, здравъ, легокъ, крѣпокъ, и отъ Подагры, отъ которой прежде едва на костыляхъ могъ ходить, вовсе свободенъ. Нашедшіеся изъ его знакомцовъ иные чудной сей перемѣнѣ удивлялися, другіе толь великихъ немощей преодолѣніе восписывали особливой нѣкоей силѣ. Смотри о семъ у *Дрекселлія* въ *Гимназіи терпѣніи*.

покажется невѣроятнымъ) отъ всѣхъ моихъ болѣзней вовсе освободился.

Выздоровѣвъ, началъ я разсуждать силу воздержанія, и слѣдующимъ образомъ умствовалъ: Естьли воздержаніе столько имѣло силъ, что всѣ мои болѣзни излѣчивъ, принесло здравіе; колькими паче силу имѣть будетъ, чтобъ сіе во мнѣ здравіе сохранить, помочь худому моему сложенію, и слабой желудокъ укрѣпить. Чего ради началъ я изыскивать съ немалымъ прилѣжаніемъ, какая пища намѣренію моему прилична, и какая противна; при семъ положилъ испытать, пользу ли или вредъ причиняетъ пища, которая вкусомъ пріятна; и согласна ли съ правдою пословица, которую впадшіе въ роскошъ люди въ свое защищеніе приводятъ, *Quod ſapit, nutrit & juvat.* т. е. что вкусно,

то

то сытно и здорово (*д*). Какъ скоро я сіе слѣдалъ, нашелъ оную ложною. Ибо такъ крѣпкія ви́на, какъ и всякое холодное питье, весьма мнѣ пріятны были; равнымъ

(*д*) Съ мнѣніемъ славнаго сего Сочинителя, яко бы пословица (*что вкусно, то сытно и здорово*) была несправедлива, я не могу согласиться. Попечительное естество о блаженствѣ смертныхъ рода не для того ли намъ и скотамъ положило чувство вкуса на языкѣ и въ устахъ, чтобъ между съѣстными и питейными вещми могли распознавать полезное отъ неполезнаго? Лошадь, быкъ, овца, и прочія селною травою питающіяся животныя, для чего къ иному зелію ни мало не прикасаются, а паче избирая ѣдятъ? Естьли языкъ въ чемъ либо обманулся и пропустилъ во внутренняя, для чего желудокъ открываетъ сей обманъ тоскою, рвотою, поносомъ и проч,? Сіе доказываетъ, что усыщеніе, и отъ него раждающееся здравіе, инако быть не могутъ, какъ токмо отъ такихъ

нымъ образомъ арбузы, дыни и другіе плоды, сырой салатъ, рыба, свиное мясо, пряженцы, стручья, лапша и симъ подобныя: однако я отъ всѣхъ сихъ чувствовалъ вредъ. И такъ, утвердившись на опытѣ, оставилъ сіи яденія, оставилъ крѣпкія вина и питье холодное, а вкушалъ отъ вина, которое бы полезно было тольтакихъ брашенъ, коихъ годныя качества освидѣтельствовалъ вкусъ.

Естьли же нѣкоторому примиренію необходимо быть должно: можетъ быть, что Сочинитель соображалъ сію пословицу съ состояніемъ человѣка неестественнымъ, въ которомъ онъ самъ былъ; ибо сіе часто случается въ болѣзняхъ, что больные сладкою сочною и пріятною пищею мерзятъ, напротивъ прихотничаютъ, что по виду и по вкусу кажется мало питательно. Но тогда такія снѣди и напитки больше средствами противными причинамъ болѣзней, нежели просто пищею назваться могутъ.

только моему желудку, и тою мѣрою, которая бы легко могла сварится. Тоже сдѣлалъ съ кушаньемъ, что принадлежитъ до качества и количества, привыкая вдругъ не наѣдаться и не напиваться до сыта никогда, а вставать отъ стола такъ, что ѣсть и пить могъ бы еще больше, послѣдуя въ томъ другой пословицѣ, *Se non ſatiare cibis, ſtudium eſſe ſanitatis.* т. е. не наѣдаться до сыта, есть беречь здоровье.

Симъ способомъ, отвергнувъ невоздержность, приложился къ житію трезвому и порядочному, которое во первыхъ сдѣлало во мнѣ то, что я уже объявилъ выше сего, т. е. что въ краткшее время нежели въ годъ, избавился отъ всѣхъ моихъ болѣзней, коими я толь долго одержимъ былъ, и кои почти неизлѣчимыми дѣлались: во вторыхъ, что впредь всякой годъ больше уже я въ болѣзнь не впа-

впадывалъ, какъ то прежде сего обыкновенно со мною бывало, когда раболѣпствовалъ чувствамъ и похоти. Съ того времени я сталъ свободенъ и весьма здоровъ, которое здравія благосостояніе даже и до нынѣ продолжается, тѣмъ наипаче, что отъ предпріятаго трезвыя жизни порядка никогда не отступалъ. Сія чудною своею силою содѣваетъ, что пища и питіе пристойною мѣрою приняты, оставляютъ силу свою въ тѣлѣ, излишнее же исходитъ изъ него безъ труда, не породивъ въ тѣлѣ никакого дурнаго соку.

При сей діетѣ берегся я еще отъ другихъ нѣкіихъ вредительныхъ причинъ, а именно, лишняго жару, стужи, утружденія, бдѣнія, и излишества въ любодѣяніи (*e*); такожъ вѣтровъ, солнечнаго

(*e*) Ничто такъ въ государствахъ не прекращаетъ знатныхъ фамилій колѣно,

чнаго зноя, и чтобъ не жить въ худомъ воздухѣ. Понеже, хотя состояніе здравія по большей части зависитъ отъ мѣры пищи и питія: однакожъ и вышеупомянутыя причины силу свою имѣютъ.

Тако-

лѣно, какъ сія или очень рано начатая, или хотя и во время, но неумѣренная похоть. Справедливость моего изреченія многими доказательствами утверждать я не намѣренъ. Пусть взглянетъ всякъ на Геральдическіе кружки, не увидитъ ли верьшки, у которыхъ одна, или уже и двѣ лѣторасли, едва одинъ плодъ принесли: вмѣсто того, что корень, такъ называемаго *порфиріанскаго дрепа* многоплодными вѣтвами осѣняется.

Цельсъ въ *кн.* 1. *гл.* 1. говоритъ: *любодѣйнаго сопокупленія не должно ни чрезмѣрно желать, ни съ лишкомъ опасаться; сопокупленіе бываемое изрѣдка, тѣло ободряетъ, употребляемое же часто, оное разслабляетъ.* Желающему блудному сыну образумиться, я въ предохранені-

Такожде предохранялъ я себя сколько могъ, отъ ненависти, отъ печали, и отъ другихъ душевныхъ волнованій, которыя къ поколебанію тѣла нашего много могутъ. И хотя я всѣхъ

В сихъ

ненїе его дамъ Цельсову афоризму слѣдующїй толкъ. Неумѣренное сѣмени расточенїе не только полезнѣйшаго соку тратою: но и самымъ судорожнымъ тѣлодвиженїемъ, посредствомъ котораго исходитъ, естьли оное повторяется часто, составу тѣла нашего сильно вредитъ. Исключая Физическїя доказательства, что одинъ золотникъ изверженнаго сѣмени больше животныя обезсиливаетъ, нежели цѣлой фунтъ крови выпущенныя изъ жилы, я только долженъ здѣсь сообщить, что, естьли въ семъ дѣлѣ непроизвольныя оныя тѣлодвиженїя сличить съ таковыми же въ падучей болѣзни, и въ разсужденїи одинаковаго тѣлосокрушенїя и обезумленїя посмотрѣть печальныя слѣдствїя; найдется, что *Иппократъ* и *Демокритъ*, разсуждая дѣйствїе

сихъ до того избѣжать не могъ; чтобъ иногда въ нѣкоторыя изъ нихъ не впадывалъ: однако въ семъ случаи то мнѣ вспомоществовало, какъ я опытомъ дозналъ, что оныя невеликую силу имѣютъ, ниже

ствіе дѣторожденія, по самой справедливости признали: что человѣкъ производитъ себѣ подобнаго подъ нѣкоторымъ видомъ Епилепсіи. Ибо превосходное оное любодѣянія чувство естественно оканчивается изнеможеніемъ всѣхъ тѣлесныхъ силъ, и волею ума продлѣно быть не можетъ, не ввергнувъ мужество въ безсиліе. Душевныя силы составляя съ тѣлесными человѣка одного, послѣдуютъ въ своемъ превращеніи тѣлеснымъ, т. е. тотчасъ по упражненіи пламя страстныя души премѣняется въ хладъ, а иногда и въ самую тяжкую ненависть: примѣромъ Амнона сына Давидова, и Ѳамары сестры Авессаломовой, *Царствъ кн. II. гл. XIII. ст.* 15. Сѣменоносные же сосуды чемъ больше истощеваются, тѣмъ больше соковъ притягиваютъ къ себѣ

изъ

нижѐ великой вредъ могутъ на-
нестъ тѣламъ, которыя умѣрен-
ностію пищи и питія изрядно
исправлены; такъ что безъ су-
мнѣнія сказать могу; что тѣ,
кои пристойную мѣру наблюдаютъ

 въ

изъ другихъ мѣстъ: но обратившим-
ся всѣмъ сокамъ къ части родотвор-
ной, оскудѣваютъ прочія части.

По сей причинѣ отъ излишня-
го любодѣянія родятся цвѣтъ блѣ-
дной; усталость; слабосилїе; тѣ-
лодвиженїе трудное; въ ногахъ и
поясницѣ потеряніе крѣпости, отъ
чего походка и стояніе немуже-
ственныя; такожъ головныя бо-
ли; внутренній жаръ; судороги;
корченья, бїенїе сердца, склон-
ность къ обморокамъ, неваренія,
завалы въ утробахъ; естествен-
ныхъ очищенїй, наипаче почечуйна-
го и мѣсячнаго, помѣшательство
и пресѣченїе; кровообращенїе лихо-
радочное, крови загущенїе, кожи и
костей засыщенїе, плоти изнуре-
нїе; легкихъ и становой жилы ча-
жотка; всѣхъ чувствъ, наипаче зрѣ-
нія, тяжесть притупленїе и слѣ-
пота;

въ двухъ сихъ входящихъ устами, отъ другихъ неумѣренностей немного вреда претерпятъ. Сіе утверждаетъ *Галенъ*, когда говоритъ, что всѣ прочія неумѣренности, напр. солнечный зной, стужа,

пота; превращеніе крутаго нрава въ мягкосердечіе; чрезвычайная охота о любовныхъ дѣлахъ брѣдить; уподобленіе женскому немощному сосуду; духа уныніе; разсуждаемыхъ вещей нескоропостижность; задумчивость; отчаяніе; помѣшательство ума, и всего человѣчества невозвратное потеряніе.

Сіи болѣзни еще больше усиливаются, и приходятъ въ неизлѣчимыя, для всегдашняго къ любодѣянію понужденія, которое наконецъ не менше мысли какъ и тѣло наживаетъ; ибо отъ внутренняго сего понужденія, или лутше сказать налога, дѣлается, что и спящимъ срамное грезится. Будучи же тогда родотворныя части чрезвычайно склонны къ напруженію, возъяряются при всякомъ случаи; единственно-

стужа, вѣтры, утомленія, весьма мало ему вредили для того, что въ тѣхъ двухъ, что устами входитъ, сирѣчь въ пищѣ и

 питіи,

ственно для того, что отдѣлившіяся изъ крови нѣсколько капель сѣмени на мѣсто убылыхъ, бываютъ уже симъ частямъ въ тяжесть и въ поощреніе къ изверженію, которыя изъ разслабленныхъ сосудовъ или самолегчайшою натугою, или и безъ всякаго труда прежде времени выплываютъ. Коль ближе человѣкъ до сей крайности доходитъ, тѣмъ больше естественный жаръ угасаетъ; орудіе ролотворенія ослабѣвши, остается безъ пользы, аки бы, какъ Пиѳитъ говоритъ, погребено; сѣменоносную слизь до надлежащаго сгущенія не варитъ; сѣмя отъ того не созрѣваетъ и недовольно одушевляется; впадаетъ въ порчу качества, наконецъ въ неплодіе.

Откуда явствуетъ: для чего отъ сея неумѣренности цвѣтъ юношества увядаетъ? для чего возрастъ мужества разоряется? и для чего старикамъ оная погибельна?

Чина-

питіи, хранилъ надлежащую умѣренность: и по тому, естьли когда отъ оныхъ причинъ и болѣзнь приключалась, то не больше какъ на одинъ день. Я уже искуи-

Читатель недолженъ разумѣть, ако бы сіи нещастія надлежали къ тѣмъ только, которые сообщеніе имѣютъ съ женскимъ поломъ. Оныя не минуютъ и тѣхъ, о которыхъ упоминаетъ Мойсей въ *кн. Бытія гл. XIX.* и Павелъ въ 1. *посл. къ Кор. гл. VI. ст.* 9.

При всемъ семъ я нехочу умолчать, что между силами одного и другаго человѣка, хотя и одинакихъ лѣтъ: однако случается великая разность. Иные изнемогаютъ отъ любодѣянія умѣреннаго: другіе и отъ весьма неумѣреннаго едва изнуряемы. Однакожъ *Паплопы* и *Мойсеепы* любодѣи симъ себя сумнительствомъ ласкать не могутъ; ибо по достовѣрнымъ наблюденіямъ въ откровеніе пришло, что всякое неестественное насилуетъ природу: отъ чего они и тяжчее и скорѣе страдать начинаютъ.

искусился, что сіе въ самомъ дѣлѣ такъ: какъ то могутъ засвидѣтельствовать многіе, которые меня знаютъ. Часто претерпѣвалъ я стужи, жары, непогоды, и симъ подобныя другія тѣлесныя озлобленія; часто испыталъ и душевныя тяжкія скорби: но сколько сія меня мало, столько вопреки другихъ, кои жили невоздержно, весьма много вредили. Ибо, когда братъ мой и нѣкоторые другіе изъ моей фамиліи увидѣли, что вступили со мною въ весьма великую ссору сильные люди, и боялись чтобъ я отъ сего огорченія не изнемогъ, вдругъ поднялся въ ихъ крови меланхолической сокъ (котораго въ тѣлахъ, непорядочною діетою возращенныхъ, обыкновенно много) который, получивъ заразительную силу такъ распространился, что нещастнымъ симъ состраждущимъ привлекъ безвременную смерть. Напротивъ того я, кого сіе дѣ-

ло наипаче касалось, не получилъ никакого вреда, понеже такой сокъ во мнѣ не излишествовалъ: а чтобъ себя ободрить, я былъ еще такого мнѣнія, что начатая со мною тяжба была промысломъ божіимъ, дабы позналъ, коль великую силу имѣетъ трезвая жизнь какъ въ нашемъ тѣлѣ, такъ и въ душѣ; и что наконецъ побѣдителемъ явлюся, какъ то въ скоромъ времени и послѣдовало. Ибо я напослѣдокъ одержалъ побѣду какъ съ немалою моею честію, такъ и съ великимъ прибыткомъ моего домостроительства. Отъ чего почувствовалъ я несказанную радость, которая однако ни мало не повредила тѣло. Изъ сего явствуетъ, что умѣреннаго житія тѣлу не можетъ вредить ни Меланхолія, ни другая какая либо душевная страсть.

Я еще больше скажу: что убои и паденія, отъ коихъ инымъ предле-

предлежитъ смерть, другимъ у-
вѣчье, не могутъ такимъ тѣламъ
причинить ни чрезвычаино вели-
кой вредъ, ни вовсе несносную
боль. Сіе я паки опытомъ до-
зналъ, когда уже былъ семидеся-
ти лѣтъ. Случилось что каре-
та, въ которой я ѣхалъ прыдко,
со мною опрокинулась, и я вле-
комъ былъ чрезъ нѣкоторое раз-
стояніе всѣмъ стремленіемъ ло-
шадинымъ. Отъ чего такъ го-
ловою, какъ и протчимъ тѣломъ
сильно убился, и сверьхъ сего пле-
чо и берцо вывихнулъ. Пріехавъ
въ домъ, когда Врачи нашли ме-
ня толь опасно поврежденна, за-
ключили, *что я чрезъ три дни
умру. Однако для пьякаго слу-
чая* (сказали) *можно употре-
бить два средства; коп* лу-
*стить и принять слабительное,
дабы чрезъ то отпратить жи-
дкостей припалъ, гнфламмацїю
и горячку*, которая непремѣн-
но, какъ думали, въ скорости

воспослѣдовать имѣла. Но я вопреки, зная, что порядочная моя жизнь, которую уже чрезъ столько годовъ продолжалъ, жидкія ча-
сти тѣла моего въ такой строй и тишину привела, что они во мнѣ немогли ни свирѣпо взволноваться, ни тяжкой привалъ учинить, оба сіи средства отложилъ, а только велѣлъ, чтобъ руку и ногу вправили въ свои составы, и всякую бы часть намазывали приличными маслами. Такимъ способомъ выздоровѣлъ я безъ всякаго другаго средства, не ощущая въ себѣ никакой немощи и никакой перемѣны: что Врачамъ показалось чудомъ. Изъ сего заключаю, что тѣ, кои въ жизни умѣренность хранятъ, отъ прочихъ злоключеній немного вреда почувствуютъ.

Но я такожде и сіе опытомъ дозналъ, что издавна наблюдаемое порядочныя жизни правило

безъ

безъ тяжчайшаго наказанія нарушить не можно. Тому уже четыре го́да (ибо сіе случилось на семьдесять осьмомъ году моего возраста), какъ я совѣтами Врачей и всегдашнею сродственниковъ скукою убиженъ былъ, чтобъ къ обыкновенной мѣрѣ нѣчто прибавилъ. Они мнѣ доказывали разно: *старость толь малою лищею и литїемъ пробыть не можетъ; ниже только пещися надобно, что бы какъ нибудь естество поддержипать, но что бы оно и крѣпость и живность имѣло, чего только отъ единыя пищи и питїя ожидать надлежитъ.* Я имъ напротивъ представлялъ, что естество немногаго требуетъ; что я маленькою мѣрою жилъ здравъ чрезъ столько уже лѣтъ; что сія привычка превратилась во мнѣ въ естество; что съ разумомъ согласнѣе, дабы, когда пріумножаются лѣта, а силы помалу упадаютъ, мѣру пищи и пи-

тія

тія паче убавлять нежели умножать; дабы страждущее соотвѣтствовало дѣйствующему; и что желудочная крѣпость часъ отъ часу становится слабѣе. Наконецъ отговаривался, что и употребляемыя у Италіанцовъ двѣ пословицы сюда принадлежатъ, Одна: *Qui multum vult comedere, comedat parum*, т. е. кто хочетъ кушать много, тотъ бы кушалъ мало: понеже немногое брашно служитъ ему къ продолженію жизни. Другая: *больше пользуетъ пища, которую ѣдокъ не доѣлъ, нежели которую уже онъ съѣлъ.* Чрезъ сіе привнушается, что врада отъ неумѣренной пищи больше, нежели пользы отъ умѣренной. Однако всѣми сими представленіями, понеже они вскучать мнѣ не престовали, я себя защитить не могъ.

И такъ, чтобъ не почестся упорнымъ, и удовольствовать бы

прія-

пріятелей, я наконецъ согласился, и мѣру пищи пріумножить дозволилъ, но только двумя лотами. Ибо, какъ мѣра всея дневныя пищи, а именно хлѣба, яичнаго желтка, мяса и похлѣбки, по исправному исчисленію состояла въ двенадцати лотахъ, то я прибавивъ два лоты, умножилъ до четыренадцати; мѣру питья, которая состояла въ четыренадцати лотахъ, умножилъ до шестинадцати, такожде прибавивъ два лоты. Сіе пріумноженіе въ десять дней такъ начало во мнѣ дѣйствовать, что я изъ веселаго и охотливаго сдѣлался задумчивымъ и вспыльчивымъ, и что все мнѣ казалось непріятнымъ, нижѐ самъ себя понималъ, что я говорилъ или что дѣлалъ. Въ двенадцатой день почувствовалъ я въ боку боль, точнѣе сказать, рѣзъ въ почкахъ, который чрезъ 22. часа продолжался: потомъ приступила жестокая горячка, которая

торая продолжалась 35. сутокъ; хотя отъ пятагонадесять дня всегда становилась меньше. Къ сему прибавить должно и то, что я между тѣмъ не могъ уснуть ни на одну четверть часа, почему всѣ разсуждали, что мнѣ уже умереть. Однако я, содѣйствующей благодати божіей, вылѣчился единымъ онымъ порядочнымъ житіемъ, хотя уже былъ 78. лѣтъ; и стояла зима, воздухъ весьма студеный, и тѣло такъ отъ болѣзни какъ и отъ старости весьма исхудало. И я заподлинно знаю, что по Богѣ, не иное что избавило меня отъ смерти, какъ исправное оное житія правило, которое сохранялъ я въ цѣлости чрезъ столько уже лѣтъ, и коль долго не нарушилъ, я нележалъ никакою болѣзнію во все время того храненія, кромѣ что иногда день или другой недомогалъ. Ибо долговременное мое воздержаніе исправивъ худые соки, дру-

гимъ

тѣмъ злымъ зароживаться попрепятствовало, равно какъ хорошимъ портиться, или превратиться въ заразительное качество, какъ то въ тѣлахъ старыхъ людей, кои живутъ безъ всякаго порядка, обыкновенно случается. Въ сокахъ престарѣлаго моего тѣла нѣтъ той заразы, которая смертныхъ убиваетъ: а новая она, которая, какъ выше сказано, привнесена новымъ преступленіемъ, не довлѣла меня умертвить, хотя болѣзнь была самая тяжкая.

Изъ сего ясно видѣть можно, коль великая сила есть порядка и непорядка! прямѣе сказать, воздержанія и невоздержанія. Отъ перьваго я здравствовалъ много лѣтъ: второе меня (хотя проступокъ самой малой учиненъ былъ) въ нѣсколько дней низложило. Естьли миръ чиноположеніемъ стоитъ: естьли тѣлесная наша жизнь зависитъ

ситъ отъ согласія и размѣры такъ жидкихъ какъ и твердыхъ бытій: нѣтъ сумнѣнія и о томъ, что извѣстное нѣкое правило долженствуетъ хранимо быть порядкомъ, а непорядкомъ повреждаемо и разоряемо. Порядокъ дѣлаетъ науки понятнѣйшими, воинство дѣлаетъ побѣдителемъ; царства, грады и фамиліи содержитъ и утверждаетъ въ мирѣ. Откуда заключаю, что порядочная жизнь не токмо здравія и долговременныя жизни есть надежднѣйшее средство и основаніе, но еще истинное и единое Врачевство многихъ болѣзней. Сего никто не можетъ уничтожить, кто въ самое дѣло прилѣжнѣе вникнетъ. Врачь, когда къ болящему входитъ, не сію ли жизнь перьвое ему лѣкарство предписуетъ, дабы пищу и питіе употребляль ограниченною мѣрою? Тужде совѣтуетъ онъ наблюдать и излѣчившемуся уже, естьли здравіе свое удержать

жать

жать желаетъ. Нижѐ сумнѣваться должно, чтобъ онъ и впредь не былъ отъ болѣзней свободенъ, естьли бы по совѣту Врача такой житія способъ неотложно хранилъ: чрезъ то бы пресѣкъ всѣ оныя болѣзней причины, и такъ бы ему никакой нужды не было ни въ Врачахъ ни въ лѣкарствахъ.

Сего недовольно: но естьли только умными глазами захочетъ примѣчать за тѣмъ, что принадлежитъ къ нему: онъ еще самъ себя сдѣлаетъ совершеннѣйшимъ Врачемъ (ж). Ибо, истинну ска-

зать,

ж) Къ знанїю человѣка много принадлежитъ: но изъ многаго довлѣетъ иному знать нужнѣйшее. Пріобрѣсть совершенное знанїе трехъ царствъ Естества, и четвертаго хаотическаго т. е. тѣхъ вещей, которыя находятся въ воздухѣ, есть Океанъ не всякаго человѣка званїемъ памятїю и достаткомъ преплаваемый: а знать изъ всѣхъ сихъ

зать, человѣкъ не можетъ быть другому Врачемъ совершеннымъ, но токмо себѣ самому. Сему слѣдующая причина. Всякъ своего естества состояніе, и тайную его склонность, можетъ узнать

сихъ царствъ силу свойство и употребленіе тѣхъ только, которыя съ благосостояніемъ жизни и здравія человѣческаго тѣснѣйшій союзъ имѣютъ, есть естественный долгъ всякаго человѣка. Слѣдовательно никто неможетъ извиняться: мнѣ отъ младенчества ружье и порохъ; мнѣ перо и чернила; мнѣ торги; мнѣ незнаніе иностранныхъ языковъ, и проч. мѣшали научиться универсальной Физикѣ. Научись только укрощать духа твоего рвенія; ограничь времена сну и бдѣнію, и помни древнихъ вѣковъ правило: *какошь трудъ, такопа и пища да будетъ;* наконецъ наблюдай самъ себя, что пріятное тобою внутрь, что употребленное снаружи, и что изъ окружающихъ тебя другихъ тѣлесныхъ силъ причиняетъ здравію тѣла твоего поврежденіе, и что

изъ

знать разными опытами: какая пища и питіе, и какая мѣра съ его естествомъ согласуютъ. Но въ другомъ человѣкѣ сіе не вдругъ узнать можно, а надобно имѣть долговременной опытъ и наблю-

 деніе

изъ нихъ приноситъ пользу. Когда ты во всѣхъ сихъ такъ ужѐ искусился, что по времени мѣру качество и дѣйствіе возможешь различать безъ труда, и надобное употреблять безъ опасенія: то ты ужѐ довольно Физикѣ изучился, и смѣло можешь сказать, что ты себѣ совершеннѣйшій Корнелієвъ Врачь. Ибо немного такихъ государствъ, каково Англія, гдѣ по большей части цѣлое врачебныя Науки ученіе, паче нежели другую какую либо науку, любятъ. Что естественнѣе человѣку той науки, которая учитъ безболѣзненно и долговременно жить? Въ семъ Агличанамъ надлежитъ отдать справедливость, у которыхъ нетолько изъ благородныхъ фамилій младшіе дѣти охотно вступаютъ въ самую практи-

ку

деніе весьма исправное, чего надъ другими нелегко пріискать можемъ; тѣмъ наипаче, что больше разности находится въ особой всякому природѣ, нежели въ подобіи лицъ. Кто повѣритъ, что

ку сея науки: но и высочайшихъ достоинствъ люди, благимъ разсудкомъ и непосредственнымъ просвѣщеніемъ водимы, по единому вкусу стараются познать изъ сей науки по крайней мѣрѣ первыя основанія. Словомъ, сія профессія въ Англіи въ толь великомъ почтеніи, что дюки *Рихмондъ* и *Монтагу* нетолько не устыдились, но еще за честь сочли, пріобрѣсть себѣ титулъ Лондонской Медицинской Коллегіи членовъ, между которыми и другіе находятся великихъ чиновъ люди, какъ то любопытные могутъ ихъ видѣть въ Спискѣ напечатанномъ въ заглавіи Лондонской Медицинской Фармакопеи, 1747. году. Смотри о семъ пространнѣе въ *кн.* именованной *Caracteres des Medecins d'aprés Penelope. II. Part. pag.* 200.

что ветхое вино (з) желудку моему вредно, а новое здорово? что перецъ меня горячитъ менше, нежели корица (ѓ)? Кто бы

з) Пишется въ книгахъ Новаго Завѣта, Лук. гл. V. ст. 39 *Никтоже пивъ ветхое (вино) абіе хощетъ новаго: глаголетъ бо, ветхое лучше есть.* Истинну сего доказываетъ согласный опытъ всѣхъ вѣковъ. Что же Сочинитель больше полезнымъ находитъ для себя новое, т. е. которое не уходилося, сему конечно причина та, что онъ имѣлъ особливое свойство, которое у Врачей называет-

---

ѓ) Что *Корица* имѣетъ силу большій производить жаръ, нежели *Перецъ*, нѣкоторые изъ толкователей сего автора не вовсе сему удивляются. Они утверждаютъ, что перецъ есть толь твердое тѣло, которое желудочною мокротою не очень легко распущено быть можетъ. Я не прекословлю, что естьли проглонуть цѣлое его зернышко, цѣлое афедрономъ и изыдетъ; и что перецъ по мѣрѣ другихъ

изъ Врачей могъ мнѣ показать два сіи сокровенныя качества, когда я оныя въ себѣ едва наконецъ примѣтить могъ долговремен-

нымъ

зываетея *идіосинкразіею*, повреждаемое отъ тѣхъ вещей, отъ коихъ многіе другіе чувствительную пользу получаютъ. О сей отмѣнѣ самъ онъ въ *посл.* къ Аквилежскому Патріархѣ *Варпарію* пищетъ слѣдующими словами. „Тому уже пять-
„десять лѣтъ, какъ я одержимъ
„чуднаго роду припадкомъ, кото-
„рой ни къ чему иному отнесть
„не могу, какъ только къ тайно-
„му

гихъ составляющихъ его частей, масля почти ничего не имѣетъ; и то что имѣетъ, весьма слабыя силы (*Гейст. въ Диссерт. о перцѣ стр.* 31,): но новѣйшіе свойствъ испытатели Химики въ томъ не согласятся, чтобъ соль, которая въ перцѣ больше сидячая нежели лѣтучая или душистая, не переходила всецѣло въ декоктъ и въ екстрактъ (*Бургавъ* въ *Елемент. Химіи*;

нымъ искусомъ? И такъ одинъ другому совершеннымъ Врачемъ быть неможетъ. *Иллократъ*, въ *Посл.* къ *Демокриту*, чистосер-

 дечно

„му нѣкоему тѣла моего свой-
„ству. Сей припадокъ въ томъ со-
„стоитъ, что когда наступаетъ
„Іюль, я чрезъ весь мѣсяцъ Августъ
„безъ питья остаюсь; такъ что
„безъ крайняго раззоренія никакихъ
„винъ пить не могу. Ибо мнѣ то-
„гда вино ужасный непріятель, наи-
„паче желудку, по причинѣ ко-
„тораго лишившись вдругъ и пищи
„(понеже нѣтъ для меня другаго
„ку-

міи; Гапбіусъ, и *прочч.*); нижѐ искуснѣйшіе человѣческаго естества наблюдатели. Патологи отрекутся, чтобъ *перецъ*, мѣлко стертый или грубо столченый, не былъ изъ числа тѣхъ острыхъ и горячихъ Индійскихъ ароматовъ, которые отъ вседневнаго употребленія въ устахъ производятъ жажду въ пищеносномъ горлѣ боль згагу и печень; въ желудкѣ всего жирнаго гниль, брез-

дечно признается, *что онъ, хотя уже состарѣлъ, однако еще не достигъ конца прачебныя науки.* А какъ человѣкъ лутше сама-

го

„кушанья, какъ бы ни искусно о-
„ное сварено было въ водѣ) пре-
„терпѣваю всѣхъ силъ великой упа-
„докъ. А какъ безъ употребле-
„нїя вина никакой родъ пищи для
„меня невкусенъ: то около поло-
„вины Августа обыкновенно всѣмъ
„тѣломъ сильно исхудаю, и почти
„съ смертїю борюся. Но чтобъ
„сему недугу помочь, или предо-
„хранить себя отъ него, въ самой
„ско-

гливость, отрыжку и рвоту; желчь приводятъ въ свирѣпость; въ кишкахъ возженїе дѣлаютъ; въ крѣпкихъ частяхъ чувствительную силу тревожатъ и возъяряютъ; въ кровоносныхъ сосудахъ мокроты къ вящшему стремленїю побуждаютъ; посредствомъ отъ того стремленїя заченшагося жару тонкїя влажности подъ видомъ выдохновенїя вонъ изгоняютъ; тукъ вытапливаютъ;

соли

маго себя Врача не имѣетъ, нижѐ лутшее лѣкарство какъ жизнь трезвую: явно есть, что оную необходимо принять надлежитъ.

Одна-

„скорости стараюсь надавить свѣ-
„жаго вина изъ тѣхъ виноградныхъ
„кистей, которыя другихъ раннѣе
„созрѣваютъ. Отъ сего вина, къ
„великому удивленїю всѣхъ уче-
„ныхъ людей, оживаю я въ три
„дни.

соли изощряютъ; наконецъ все тѣло не инако какъ въ собственной его печкѣ непрестанно зажариваютъ. Отъ того родятся сухотка, худанье, пятна, красные глаза, їнфламмацїи, артритическїя боли т. е. утины или ломы въ составахъ и протч.

Въ Наблюденїяхъ Врачей находимъ довольно примѣровъ, что роскошные люди отъ слабыхъ даже до самыхъ острыхъ снѣдей легко привыкаютъ; и что Французскою поварнею и ихъ заѣдками испорченный желудокъ инако не алчетъ, какъ только отъ такихъ вещей, хото-

Однако я чрезъ сіе не утверждаю, яко бы Врачи ненужны были: они весьма надобны для узнанія и уврачеванія болѣзней, въ которыя часто впадаютъ неподражающіе житію порядочному. Естьли другъ, который посѣщаетъ тебя въ болѣзни, и соболѣзнуя, одними только словами утѣшаетъ, оказуетъ тебѣ услугу пріятную: колико тебѣ милѣе долженъ быть Врачь, который въ лицѣ друга навѣщаетъ тебя да исцѣлитъ, употребляетъ средства, и здравіе тебѣ обѣщаетъ (*и*)? Но да кто сохранитъ

которыя его или рѣдкимъ употребленіемъ, или необычайнымъ качествомъ паче прочихъ раздражаютъ. Славный нашъ Сочинитель отъ сея неосторожности оправдать себя не

и) Сенека, въ *письмѣ* 78. *къ Луцилію*, упоминая о сильной Простудѣ, которою онъ даже до крайняго искуданія немогъ, говоритъ: *что я пыздоропѣль, къ тому пріятели*

нитъ себя здрава, думаю, что вмѣсто Врача, надобно ему взять жизнь порядочную, которая, какъ опытомъ извѣстно, есть естественно-

не можетъ: хотя причину прившедшихъ въ Італію роскошей, будучи исповѣданія церкви Папискія, приписуетъ ученію церкви Лютеранскія. Ибо сіе на справедливѣйшихъ Историкахъ основано, что въ XV. и въ XVI. вѣкѣ, когда еще Нѣмцы во тмѣ невѣжества погружалися, просвѣщенные уже Французы и Італіанцы всякое зло въ миръ вводили. Смотри *le grand Dictionaire historique, par Mr.* Morery.

тели мои много споспѣшествовали. Ушѣщанія ихъ, и разные разговоры, казались, что болѣзнь мою облегчаютъ; ибо, что ободряетъ духъ, то и тѣлу пользуетъ. Однако къ скорѣйшему и удобнѣйшему здравія поправленію больше поспѣшествуетъ, естьли больному Врачь пріятель, или отъ давняго обхожденія въ корошкое знакомство пришелъ. Тотъ же Сенека на другомъ мѣстѣ говоритъ, что

ственное и всякому изъ насъ соб-
ственное Врачеваніе; понеже и
зловреднаго сложенія тѣла сохра-
няетъ въ здравіи, и содѣваетъ,
да

что *для больныхъ ничего нѣтъ по-
лезнѣе, какъ лѣчиться у того вра-
ча, котораго они сами желаютъ;
ибо довѣренность больныхъ больше
людей пылѣчитаетъ, нежели лѣкар-
ства.* Въ доказательство сего я
сообщу здѣсь утѣшную Исторію,
которую великій *Бургавъ* ежегодно
своимъ ученикамъ повторялъ. „ Въ
„ ближней отъ Лейдена деревнѣ на-
„ чальствующій нѣкій мужъ, ужа-
„ сный изъ Голландцовъ винопійца,
„ захворалъ жестокою горячкою. Вра-
„ чи, коихъ пригласили незапно,
„ тотчасъ велѣли пустить кровь,
„ пищу предписали самую тонкую,
„ и питье разводящее опредѣлили:
„ отъ чего бѣдный больной въ та-
„ кую слабость впалъ, что едва
„ уже могъ духъ возводить; нижѐ
„ притомъ чувствительнымъ обра-
„ зомъ стремленіе горячки уменша-
„ лось. Другой Врачь, который изъ
„ давна сего больнаго лѣчивалъ, и,

„ когда

да оныя живутъ долговѣчно, даже до ста лѣтъ и болѣе, и да наконецъ безболѣзненно и безъ возмущенія мокротъ жизнь окончевая,

„когда больной здравствовалъ, чаю вмѣстѣ съ нимъ и бутылки опорожнивалъ, по случаю находился чрезъ нѣсколько дней въ отсутствіи. По возвращеніи, какъ по обыкновенію своему вздумалъ посѣтить стараго своего друга, нечаянно съ прежними Врачами пришелъ въ совѣтъ, коихъ выслушавъ мнѣнія, съ усмѣшкою сказалъ: что ему одному токмо извѣстно, какимъ росоломъ надлежитъ предохранить сіе тѣло, чтобъ тлѣнія избѣжало. Въ слѣдствіе сего тотчасъ велѣлъ ему дать рюмку самаго лутшаго Ренскаго вина и мясныя похлѣбки. Пріятельскихъ совѣтовъ больной послушался съ охотою, и ожививши симъ теріакомъ силы, сверьхъ чаянія весьма скоро выздоровѣлъ.

Въ врачебныхъ книгахъ довольное число подобныхъ исторій: кои однако всѣ учатъ, что знающіе Врачи,

вая, отъ единаго перьвенствую-
щія влаги изнуренія на подобіе свѣ-
тильника угасаютъ. Многіе ду-
мали, что сіе можетъ послѣдо-
вать

чи, отъ давняго употребленїя при-
выкшіе къ своему больному, не
говорю въ легкихъ припадкахъ, но
и въ отчаянныхъ случаяхъ само-
скорѣйшія помощи орудїемъ были.
Иппократъ въ *кн.* 1. *о Попалън. Бо-*
лѣзн. не безъ основанія сказалъ: *мы*
узнаемъ болѣзни научившись отъ
общей всѣмъ природы, и отъ соб-
ственной каждаго. Но знать всѣхъ
людей особности есть толь вели-
ка пучина, для преплаванія кото-
рыя ни десять вѣковъ Врачу не
довлѣютъ. Всеобщихъ же цѣле-
бныхъ законовъ источникъ есть тое-
жде человѣческое естество. И такъ,
хотя въ вышепомянутомъ примѣрѣ
незнакомые Врачи погрѣшили, что
необстоятельны были въ распро-
сахъ, какую склонность больной
имѣлъ къ напиткамъ, т. е. про-
ронили собственно къ нему прина-
длежащее: однако въ пользованїи
ни мало невиноваты противъ об-
щихъ

ваться отъ *литейнаго золота*, и отъ *философскаго камня* (которой Еликсиромъ называютъ) искомаго многими, но немногими найденнаго: но тщетный трудъ, естьли нѣтъ воздержныя жизни.

Но

щихъ правилъ, имѣя сего поступка оправданіе въ Целсѣ: *кто не узналъ собственнаго, тотъ долженъ послѣдовать общему.*

Однако бы врачебной Наукѣ весьма предосудительно было, естьли бы ревностнѣйшій Иппократову ученію подражатель Целсъ щелъ за довольное, при общихъ правилахъ оставаться и въ скоропостижныхъ, часто самоопаснѣйшихъ случаяхъ. Напримѣръ, пьяному или гнѣвомъ распаленному человѣку, который будучи въ знатную какую либо жилу раненъ истекаетъ кровію, тотчасъ пустить кровь, гдѣ, кромѣ предлежащія уже опасности, не дозволяется кровопусканіе. Пріобрѣтеніе собственностей есть ключь, посредствомъ котораго входимъ во внутренняя естества безъ всякаго преткновенія. И для того онъ, не

озакони.

Но невоздержные люди, которые живутЪ по плоти (каковыхЪ много находится, кои прихоти свои исполнять, и чреву по-

озаконивая перьвое, тотчасЪ ограничиваетЪ слѢдующимЪ: *кто можетЪ узнать собственная каждому, всѣмЪ общая оставлять прапда недолжно, паче же прилагать трудЪ кЪ познанiю собственныхЪ.*

Но какЪ такое дѢло требуетЪ Врача, который бы былЪ, сверьхЪ склонности кЪ наблюденiямЪ, прилѢженЪ, одноземецЪ, знающiй мѢсто рожденiя предваритeльно, и притомЪ бы корыстолюбiя ради многими не забирался, а въ намѢренiи дальшаго свѢдѢнiя сидѢлЪ у болящихЪподолѢ: то наконецЪ весьма разумно заключаетЪ, сказывая, *хотя все одна наука: однако полезнѣе Врачь другЪ*, т. е. котораго больной знакомство и усердiе кЪ себѢ изстарѢ снискалЪ, и въ разсужденiи Закона можетЪ предЪ нимЪ открыться несоблазнительно: *нежели чужой*, неизвѢстный, а паче

какой

похлѣбствовать желаютъ) хотя видятъ, что невоздержаніе часто ихъ наказываетъ: однако трезвую жизнь бѣгаютъ, сказывая *лутше лопинопаться прихоти, и десять лѣтъ жить менше, нежели склонность свою обуздыпать псечасно.* Но не разсуждаютъ, коликія важности суть человѣку десять лѣтъ живота, но здраваго и въ возрастѣ зрѣломъ, въ которомъ паче протчего, приходятъ въ совершенство, и пребываютъ непоколѣбимы благоразуміе, мудрость и всѣ протчія добродѣтели; кои, естьли не въ семъ возрастѣ, въ другомъ совершенны быть не могутъ. Умалчивая о протчемъ, я предаю на разсужденіе всякаго:

Д не

какой либо проявившійся пришлецъ, часто сущій невѣжда, преисполненный всемирнаго знанія мечтою, велерѣчивъ и ласкателенъ, который ни свойствъ больнаго, ни склонностей фамиліи, ни народной привычки, ни языка, ни качествъ твоея страны не понялъ.

не всѣ ли тѣ книги, которыя имѣемъ, великаго разума, своими творцами написаны въ зрѣлой старости, т. е. въ томъ столѣтіи, которое противники по сластолюбію своему за ничто щитаютъ (к)?

Сверьхъ

(к) Изъ такихъ книгъ воперьвыхъ почитаются въ ученомъ свѣтѣ *Ипократовы Афоризмы*, которые онъ въ глубокой уже старости писалъ: *Софоклова трагедія* подъ именемъ Едипа: *Цицеронова* книга о *Старости* и прочч. изъ древнихъ. Такуюже похвалу заслуживаютъ изъ новѣйшихъ М. *Варронъ*, осмидесятилѣтній старецъ, написавъ Наставленія о деревенскомъ хозяйствѣ: *Гарпей*, Аглинской Демокритъ, открывъ кругообращеніе крови состарѣвшись, потомъ въ семьдесять три года издавъ третію книгу о Рожденіи животныхъ, обѣ достопамятныя. *Бургавъ*, сей Голландскій Ескулапъ, сочинилъ свои Афоризмы о Узнаніи и Лѣченіи болѣзней, когда уже былъ почти во вратахъ

тахъ

Сверьхъ сего, сіи плоти рабы говорятъ, что порядочная жизнь есть толь трудное дѣло, которое соблюсти ни какъ нельзя. Я

тахъ старости. *Альбинусова* Исторія Мышекъ, анатомическія Табулы, и книга о человѣческомъ Скелетѣ, признаются плодомъ зрѣлыя старости. *Бахонова* Исторія о жизни и смерти (или, какую дѣту старые должны хранить), и *Локка* книга о Разумѣніи человѣческомъ, приносятъ творцамъ своимъ честь за созрѣвшее разсужденіе ихъ старости. *Вольтеровы* послѣднія Сочиненія несравненно остроумнѣе и благоразсуднѣе, нежели прежнія. Словомъ, такъ древнихъ какъ и нынѣшнихъ авторовъ книги, естьли оныя произошли отъ долговременнаго какихъ либо вещей опыта, и содержатъ важность разумъ и самое дѣло, такія свидѣтельствуютъ жребій безсмертія и въ позднѣйшемъ потомствѣ.

Совсѣмъ противное сбывается съ сочиненіями писателей, которые чтобъ

отвѣчаю на сіе, что оную хранилъ *Галенъ*, и вмѣсто лутшаго Врачеванія имѣлъ: такожъ *Платонъ*, *Исократъ*, *Цицеронъ* и многіе

чтобъ только прослыть писателями, не взирая на незрѣлость лѣтъ своихъ и опытовъ, дерзаютъ оныя вносить въ хранилище истинныхъ наукъ. Напримѣръ, кто изъ разумнѣйшихъ людей можетъ увѣриться на творцахъ, которые напишутъ свои Лѣчебники, не обучаясь врачебному искуству больше одного года, и то не всѣмъ его частямъ, прочее же время житія проведъ въ Математикѣ и въ Музыкѣ? Такіе лѣчители по большей части не творцами, но творцовъ списателями именуются. Откуда старѣйшимъ ни мало неудивительно, когда младшіе, такъ называемые парящіе умы, чтобъ избѣжать обличенія и дальшаго стыда, принуждены труды свои иногда нѣсколько разъ въ жизнь перепечатывать. Ничему такъ не емлѣются Голландцы и Агличане, какъ сему многихъ нѣмецкихъ авкторовъ свербежу, *писать книги:*

но

гіе другіе изъ древнихъ: въ нашемъ вѣкѣ *Папа Папелъ III.* и *Кардиналъ Бембъ*, кои для того и жили долго: изъ нашихъ князей *Лаудъ* и *Донатъ*; присемъ и многіе другіе нижняго состоянія люди, нетолько въ городѣ, но и въ селахъ и деревняхъ. И такъ, понеже оную многіе и въ старину содержали, и теперь содержатъ, то сіе не такое дѣло, которое бы невсякъ могъ испол-нить: тѣмъ паче, что къ сему

но надобно знать, что и никакой корпусъ ученыхъ столько не упрямится, сколько Нѣмцы. Такъ что рѣдко какая книга найдется, въ которой бы авкторъ, при перьвомъ ли изданіи или при третьемъ, не оговорилъ свои недостатки въ предисловіи: что онъ выпускаетъ въ свѣтъ за два го́да уже́ приготовленную книгу, или по всепокорнѣйшей и неотступной какого либо Типографа прозбѣ и убижденію; или что прежніе ексемпляры раскуплены; или, что всего подлѣе, въ Лейпцигѣ скоро ярманка слѣдовала.

не требуется много, нижѐ что либо отмѣнное, но только да кто начнетъ и полегоньку привыкаетъ.

Нѣтъ препятствія, что *Платонъ* говоритъ: тѣ, *кои въ Обществѣ при отправленіи дѣлъ находятся, порядочную жизнь шесть немогутъ; понеже часто имъ надобно претерпѣвать жары, стужи, вѣтры, дожьжи, снѣги и разные другіе труды: что съ правильною жизнію несогласно.* Я отвѣтствую, что такія неспокойства самы въ себѣ не очень важны (какъ выше показано), естьли кто въ пищи и питіи хранитъ умѣренность. Сіе служащимъ Обществу нетолько легко, но и весьма прилично, во первыхъ, чтобъ отъ болѣзней, которыя въ исправленіи должности дѣлаютъ остановку, остались свободны: во вторыхъ, чтобъ во всѣхъ дѣлахъ, какія ни случаются, были умомъ свѣжѣе и проницательнѣе.

Нѣко-

Нѣкоторые возражаютъ: кто въ жизни порядокъ наблюдая, всегда употребляетъ пищу прилично немоществующимъ, и по малому количеству, что онъ станетъ дѣлать въ болѣзняхъ? какую діету изберетъ, когда ужѐ оную предварилъ будучи еще здоровъ?

Отвѣтствую первые: естество, которое человѣка коль можно, силится сохранить, учитъ насъ вседневно, какъ мы должны себя содержать въ болѣзняхъ. Не тотчасъ ли отнимаетъ позывъ на яду, да не вкушаетъ человѣкъ развѣ мало? открываясь чрезъ сіе, что само оно малымъ довольно. Слѣдовательно больной, хранилъ ли прежде въ жизни порядокъ или нѣтъ, понеже больной есть, недолженъ кормиться другою пищею кромѣ той только, которая нашу болѣзнь пристала, и то гораздо меншою мѣрою, нежели какъ онъ здоровъ ѣдалъ. Инако, есть-

ли бы захотѣлъ продолжать прежнюю мѣру, естество, болѣзнію ужѐ обремененное и обезсиленное легко бы задавилъ.

Второе отвѣтствую: что подражатель трезвыя жизни въ болѣзнь впасть не можетъ, да и недомогать ему рѣдко, и то не надолго, случится; понеже симъ житія способомъ отвратилъ онъ всякаго недуга причину. Причину же отвративъ, отвращается ея слѣдствіе, сирѣчь болѣзнь.

Сего ради, понеже порядочная жизнь есть толь полезна, толь благодѣтельна, красна и безпорочна: достойна, чтобъ всѣ оную воспріяли, тѣмъ паче, что удобоисполняема и человѣческой природѣ нивчемъ непротивна. Никто необвязанъ, кто по ней поступаетъ, дабы столько же мало ѣлъ и пилъ, сколько и я; никому не запрѣщается питаться плодами, рыбою

рыбою и протчими вещми, отъ которыхъ я одинъ не вкушаю. Я кушаю немного, понеже малому и слабому моему желудку столько довлѣетъ. Я воздерживаюсь отъ плодовъ, отъ рыбы и отъ другой подобной пищи, понеже оныя мнѣ вредятъ: а кому такая пища здорова, тѣ нетокмо могутъ, да еще должны оную употреблять. Однако всякъ долженъ помнить, дабы пищу и питіе, хотя и весьма годныя, не большимъ количествомъ употреблялъ, какъ сколько его желудокъ легко сварить можетъ. По сему, кого никакой родъ пищи и питія не вредитъ, тому *одно только прапило количества а не качества хранить надлежитъ.* Что всего легче на дѣлѣ.

Пусть мнѣ никто не предлагаетъ, что находятся многіе, кои, хотя весьма непорядочно живутъ, однако здравы дожива-

ютъ даже до послѣднихъ жизни предѣловъ; понеже, какъ сіи примѣры суть ненадежны, опасны и очень рѣдко случающіеся, то лестная на нихъ надежда не должна насъ вводить во искушеніе. Неразумнаго человѣка дѣло, подвергать себя толикимъ болѣзней и смерти опасностямъ и горестямъ, въ надеждѣ удачи щастливой, которая не всѣмъ и не всегда случается. Безопаснѣе въ своемъ животѣ старецъ немощесложенъ, т. е. который хилое сложеніе съ природы имѣетъ, но хранитъ житія правило, нежели крѣпчайшій отрокъ безъ правила живущій; однакожъ, здраваго сложенія человѣкъ съ благоустроеннымъ житіемъ можетъ прожить гораздо долѣ, нежели слабосиленъ. Можетъ же иногда быть человѣкъ столь изряднаго и крѣпкаго сложенія, что и безъ толикаго порядка можетъ жить здравъ многая лѣта, и умереть въ глубокой

кой старости простѣйшимъ разрѣшеніемъ, какъ то случилось въ *Венеціи* прокуратору *Ѳомѣ Контаренў*, и въ *Падуѣ* благородному мужу *Антону Кипо ди Вакка*: но такой едва изъ ста тысячь одинъ найдется (*л*). Того ради,

(*л*) Между знатнѣйшими дѣтетическому сему Опыту противниками былъ *Сперонь Сперонй*, который въ письмѣ своемъ къ Корнелію, приличая всецѣлое порядочнаго житія сохраненіе Платоновой Республикѣ, коея бытіе мысленное, возможность онаго какъ въ самомъ Корнеліи, такъ и въ будущихъ подражателяхъ, разными доказательствами опровергаетъ. Другіе многолѣтіе человѣческое ни отъ воспитательнаго искуства, ни отъ тайнаго какого либо звѣздъ или страны вліянія: но отъ естественнаго впечатлѣнія производили. Сіи послѣдніе отъ истины недалеко бы отступили, естьли бы въ своемъ ученіи не исключили печальныя житейскихъ попеченій приключенія, коими смертныхъ вѣкъ по большей части прекращаетъ-

ради, что касается до другихъ, естьли кто изъ нихъ желаетъ жить здравымъ долговременно, потомъ безъ боли и безъ скуки умереть разрѣшеніемъ: тому надежнѣйшее средство есть, жить въ порядкѣ. Ибо симъ только, а не инымъ способомъ, можетъ онъ пользоваться такія жизни плодами, коихъ истинно весьма много, и

кращается. Ибо въ *Библіи* находимъ, что *дніе человѣку седмдесять лѣтъ, аще же въ силахъ, осмдесять:* отъ котораго изреченія и Филозофи, кои писали о *Климактерическихъ годахъ*, немного разнствуютъ. Такіе годы называются у нихъ степенными, между которыми примѣчаются взятые по семи и по девяти: откуда 63. годъ, какъ произведеніе седьмаго и девятаго, великаго уваженія быть долженъ. Естество избрало себѣ число седьмое; и Врачи вседневно видятъ, что воля онаго какъ въ болѣзняхъ горячечныхъ въ 7. 14. и 20. день, а въ долговременныхъ въ

40.

и всякіе изъ нихъ великія цѣны достойны.

Во перьвыхъ, понеже устроеваетъ, да влаги въ тѣлѣ бываютъ чистыя, благорастворенныя и несвирѣпѣющія, *чрезъ что дѣлается, что и парамъ подыматься изъ жедудка по голопу позбраняетъ.* Отъ того еще больше слѣдуетъ, что такой человѣкъ имѣетъ

40. и 80. переломы дѣлаетъ: такъ и въ продолженіи состоянія здраваго по седмерицамъ поступаетъ. И для того семдесятой годъ по большей части бываетъ смертоносный, понеже между климактерическими считается: а осмдесять перьвой, который произведеніе девятаго, естьли самъ собою умножится, и самъ климактерической будетъ. Такъ говорятъ о Платонѣ, что онъ на 81. году. умеръ. О шестеричномъ числѣ, которое, какъ корень и начало всѣхъ прочихъ чиселъ, и сверьхъ ста щитается совершеннымъ или полнымъ, смотр. у Августина *кн. II. о Градѣ Божіемъ.*

мѣетъ мозгъ чистой на подобіе зеркала, и умъ во всемъ свѣжій. Почему онъ съ великимъ душевнымъ удоволствіемъ и утѣшеніемъ отъ нижнихъ оныхъ и земныхъ легко восходитъ до самыхъ высокихъ разсужденій божественныхъ дѣлъ; и то познаетъ, о чемъ до сего никогда бы не могъ размышлять, на примѣръ коль велика Божія власть, мудрость и благость. Оттуда низходитъ къ естеству своего тѣла и протчего земнороднаго, и оное познаетъ быти дѣло рукъ Божіихъ. Видитъ и перстомъ осязаетъ то, что во время другаго возраста, и когда засорившійся мозгъ недовольно вычищенъ, не могъ бы никогда ни видѣть ни осязать. Тогда видитъ мерзость порока, въ которой впадаетъ тотъ, кто природныя человѣку страсти укрощать не можетъ. Тогда познаетъ трегубую оную похоть, которая за нами отъ младенчества

слѣ-

слѣдуетъ, т. е. похоть тѣлесна-
го любосластія, честолюбія и бо-
гатства, которая въ старцахъ
невоздержнаго житія паче и паче
возрастать обыкла. Сію напро-
тивъ тотъ, кто не вкусу и чув-
ствамъ, но отъ долговременнаго
упражненія привыкъ послѣдовать
разуму, легко укрощаетъ; такъ
что она его не очень сильно трево-
житъ. Потомъ, когда видитъ
себя грядуща къ концу, и прибли-
жающася къ разрѣшенію, онъ отъ
того не груститъ, понеже, вѣ-
дая что помощію Божіею оста-
вивъ онъ порокъ подражалъ до-
бродѣтели, надѣется для заслугъ
искупителя нашего Христа, уме-
реть въ его благодати, и насла-
ждаться вѣчнымъ блаженствомъ.
Къ сему прибавить должно, что
видитъ онъ себя такихъ уже лѣтъ
достигша, какихъ весьма немно-
гіе достигаютъ; и ясно предви-
дитъ, что смерть подходитъ къ
нему нестремительно и невзна-

чай,

чай, нижѐ сЪ жестокими мученіями, но тихими и кроткими стопами, сирѣчь по единому исчезанію или расточенію тоя влажныя стихіи, которая на подобіе свѣтильничнаго елея нечувствительно уменшается. Сіе расточеніе причиною бываетЪ, что онЪ безЪ боли и безЪ воздыханія отЪ земнаго сего и смертнаго житія кЪ небесному и вѣчному, подобіемЪ сладкаго успенія, покойно переселяется.

КолЬ добра и колЬ благополучна порядочная жизнь, достойна праведно всякаго почитанія! Коль нещастлива и колЬ мерзительна развратная жизнь, которая человѣческой родЪ толикими печальми наполняетЪ! Не изряднѣе ли гласЪ, и не любезнѣе ли, *жизнь порядочная, трезпость, поздержанїе?* Вопреки, что сквернѣе гласитЪ, *жизнь безлутная, лїянстпо и поздержность?* Крапко сказать: раз-

разность между ними зрится такая, какая между словами *Ангелъ* и *дѣяволъ*.

До сихъ мѣстъ я изъяснялъ причины, для которыхъ отрекшись я невоздержанія приложился житію трезвому: способъ, какой я въ немъ хранилъ, и что со мною послѣдовало: на конецъ пользу, какую оное любителямъ своимъ приноситъ.

Не взирая на сіе; нѣкоторые похотолюбивые и разуму мало повинующіеся возражаютъ, что долговѣчнаго житія желать не надобно, тѣмъ что послѣ шестидесяти пяти лѣтъ не можетъ назваться *жизнію жизною*, но *жизнію мертвою*. Но сіи возражатели сильно обманываются, какъ то я теперь же намѣренъ показать мною самимъ, повѣствуя мои увеселенія и услажденія, которыя я въ сихъ моихъ лѣтахъ, т. е. въ 83. года получаю, и которыя такъ

завидны, что часто люди меня за всещастливѣйшаго почитаютъ.

Я пользуюсь благополучнымъ здравіемъ непрерывно, и такъ поворотливъ, что изъ плоскоземи легко вскочу на лошадь; и, какъ на крутыя лѣсницы, такъ и на высокіе холмы безъ запыханія взойду. Сверьхъ сего я всегда охотливъ, веселъ, и самъ собою доволенъ; свободенъ отъ волнованій душевныхъ и отъ всякія скучныя думы: ибо вмѣсто сего воцарились въ сердцѣ моемъ радость и тишина. Жизнь мнѣ не наскучила, которую я съ великимъ моимъ удовольствіемъ провождаю. Часто случается собесѣдовать съ мужами почтенными, кои разумомъ, благонравіемъ, науками и другими добродѣтельми прославились. Въ недостаткѣ такихъ людей, я упражняюсь въ чтеніи какія либо ученыя книги; потóмъ въ сочиненіи; во всемъ пріискивая то, чемъ бы могъ по-

пользоватъ другихъ, по крайней мѣрѣ, сколько силы мои дозволяютъ. Все сіе дѣлаю доброизвольно, въ способное время, и въ своемъ домѣ, который, сверьхъ того что на преизрядной сторонѣ училищнаго сего го́рода (*Падпы*), но еще красивъ и весьма покоинъ, какихъ рѣдко въ нашемъ вѣкѣ; паче же, по пра́вилам Архитектуры такъ состроенъ, что не меньше отъ жаровъ какъ и отъ стужи защищаетъ. При всемъ семъ я увеселяюсь разными садами и текущихъ водъ струями, въ сторону отведенными, въ коихъ истинно великое услажденіе. Чрезъ нѣсколько мѣсяцей въ году веселюсь холмомъ который на Евганейскихъ горахъ, гдѣ и источники имѣю, и сады, и весьма выгодной домъ.

Я любуюсь другимъ моимъ селомъ лежащимъ въ низу на равномъ мѣстѣ, которое пріятностію своею не менше мой духъ

плѣняетъ. Въ немъ многія дороги такъ расположены, что въ центръ пространныя нѣкія средины всѣ стекаются. Въ срединѣ сего стеченія стоитъ Церковь, по состоянію мѣста довольно украшенна. Сію средину протекаетъ рѣка Брента, имѣя по обѣимъ сторонамъ открытыя поля, которыя хлѣбородны, изрядно вспаханы, и многими жилищами распещренны. Прежде не такъ было: ибо мѣсто было болотистое и нездоровое, звѣрямъ паче неже-ли человѣкамъ годное. Но я воды отвелъ, землю изсушилъ, и воздухъ здравой содѣлалъ: почему и люди туда стеклися, и состроивъ храмины начали обитать со всещастливѣйшимъ успѣхомъ. Симъ способомъ необитаемое мѣсто, когда уже жители довольнымъ числомъ умножились, въ то состояніе приведено, въ какомъ его видимъ нынѣ; и могу не обинуясь сказать, что я воздвигнулъ Богу

ту храмъ, жертвенникъ и души, которыя бы ему покланялись: кого дѣла воспоминаніе неизреченную мнѣ радость приноситъ. Я выѣжжаю всякой годъ въ нѣкоторой изъ ближнихъ городовъ наслаждаться лицезрѣніемъ и разговоромъ моихъ пріятелей, и сверьхъ сего славныхъ художниковъ въ Архитектурѣ, Живописствѣ, Изваяніи, Музыкѣ и Земледѣліи, каковыхъ въ сіи времена великое множество. Я взираю на ихъ дѣла, сношу оныя съ древними, и всегда чему либо учусь, что знать не непріятно. Я высматриваю великолѣпныя зданія, сады и древности, общенародныя мѣста, храмы и городскія ограды, и ничего не пропускаю, отъ чего бы могъ больше знанія пріобрѣсть, и свое желаніе удовольствовать. Такожъ, естьли куда ѣду, я въ проѣздѣ и возвратѣ премного увеселяюсь примѣчая доброту мѣстъ и ихъ положеніе, изъ которыхъ

одни на плоскости, другія на повышеніи; одни у рѣкъ, другія при источникахъ, украшенныя или частымъ строеніемъ, или садами. Сіе пріятностей ощущеніе во мнѣ отъ притупленія чувствъ не умаляется, понеже всѣ мои чувства совершенно здравы, особливо же вкусъ; такъ что простая пища, гдѣ бы я ни обрѣтался, больше для меня скусна, нежели всѣ прежніе роскоши, какъ я еще плѣнникъ былъ плоти и неумѣреннаго житія. Перемѣнныя поспѣли меня не безпокоятъ: ибо на всякомъ мѣстѣ спокойно и крѣпко засыпаю; сновидѣнія бываютъ ободрительны и пріятны. Но меня сіе наипаче веселитъ, что вижу къ вожделѣнному концу приходящій тотъ преполезной сему обществу трудъ, моимъ совѣтомъ и моимъ вспомогательствомъ начатой, которымъ толикія нехлѣбопашенныхъ земель пространства приводятся въ хлѣбопашество.

ство. Я изъ депутатовъ одинъ былъ управителемъ сего дѣла, и на болотистыхъ сихъ мѣстахъ въ лѣтніе жары жилъ цѣлые два мѣсяцы: однако я отъ того не почувствовалъ никакого вреда и никакого безпокойства. Толь великая трезвыя жизни, которая за мною всегда и повсюду слѣдуетъ, есть сила и дѣйство!

Сверьхъ сего несумнѣнно надѣемся видѣть ничемъ же меншей важности работу какъ начатую, такъ и конченую, дабы отъ наносу и засыпи сохранить нашу корабельную гавань, великую и удивительную любезнаго Отечества защиту, коего предохраненія надобность и способъ (безъ тщеславія сказать) я вымыслилъ; и часто при томъ сему Обществу иногда устно, иногда письменно вспомоществовалъ.

Вотъ увеселенія и утѣшенія моея старости, которая юности и ветхости другаго тѣмъ боль-

ше предпочтительна, что при помощи божіей, посредствомъ превзвыя жизни исцѣлившись отъ душевныхъ мятежей (*м*) и отъ тѣлесныхъ болѣзней, не чувствуетъ болѣ тѣ немощи, отъ коихъ многочисленные юноши и дряхлые спар-

(*м*) Я не утверждаю, справедливыхъ ли мыслей были древнїе Филозофи, *Питагоръ*, *Платонъ*, *Аристотель* и протчїе, поставляя въ человѣкѣ двѣ души, одну кроткую постоянную и важную, другую дерзкую вспыльчивую и волнующую: но только долженъ сказать, что неспокойное оное въ человѣкѣ находится въ Книгахъ Иппократовыхъ подъ именемъ *τὸ ἐνορμῶν*, которое иногда отъ природы, иногда отъ воспитанїя приходитъ; и что оное часто виною бываетъ ужасныхъ приключенїй тѣлесныхъ. Чататель уповаю изъ предложеннаго Авкторомъ примѣра понялъ, что дѣйствовала въ его фамилїи печаль: но что дѣйствуютъ страхъ, ужасъ, гнѣвъ и протч. о томъ надобно ему примѣчать за пужливыми и гнѣвливыми.

Въ

старцы горько стонутъ. Но и изъ того можно узнать, какъ я тѣломъ и духомъ строинъ, что въ сихъ лѣтахъ, т. е. въ 83. го́да, сочинилъ весьма утѣшную Комедію, исполнену шутками честными и словами избранными,

Въ испуганомъ человѣкѣ сверьхъ смертоносныхъ пораженій, много и смѣшнаго находится: въ гнѣвномъ напротивъ кромѣ опасностей больше ничего. Кому изъ Врачей неизвѣстно, что отъ сильнаго гнѣва, съ злостію и недостаткомъ отмщенія смѣшеннаго, въ легкихъ рвутся жилы, слюна превращается въ заразительную бѣщеную, въ желудкѣ и кишкахъ дѣлаются колики и воспаленія съ умерщвляющими слѣдствами, желчь изъ печенки прорывается въ кровь и производитъ непреодолимую желтуху, или возжигаетъ тяжкую желчную или гніючую горячку и проч.? Однако ни совѣты Врача, ни родительскія наказанія, ни тѣлесныя болѣзни, не могутъ человѣка отвлечь отъ свирѣпѣйшихъ сихъ душевныхъ движеній. Одна ста-

каковъ стихотворства родъ обыкновенно почитается дѣломъ юности, коей для частой перемѣны и пріятности наипаче приличествуетъ: такъ, какъ Трагедія есть плодъ старости, которой въ разсужденіи важности и представляемыхъ приключеній печальныхъ, больше сродна. И такъ, естьли *Греческій Пиитъ* заслужилъ похвалу за то, что написалъ Трагедію на 73. году своего возраста, и для того старцемъ здраваго ума

и

старость владычествуетъ надъ ними; въ ней одной искать спокойныя жизни. Многіе говорятъ, для чего бы человѣку питать сихъ непріятелей въ собственныхъ утробахъ. Но не разумѣютъ, что вовсе не имѣть гнѣва печали похоти и проч. коль долго мужественная крѣпость пріумножается, или пребываетъ въ равновѣсіи, сіе отъ Физіологовъ почитается въ человѣкѣ за несовершенное. Имѣть же оныя страсти съ лишкомъ; отъ Моралистовъ называется звѣрствомъ, а отъ Врачей почитается болѣзнію.

и благоразумнымъ признанъ (*н*): для чего жъ бы мнѣ не быть столько щастливу или зрѣлаго разсужденія, когда 10. годами его старе сочинилъ Комедію?

А дабы ко всесовершеннѣйшей отрадѣ чего либо старости моей не доставало, я всечасно взираю на

(*н*) Авкторъ разумѣетъ здѣсь трагическаго Греческаго Пїиту *Софокла*, котораго по причинѣ сладкихъ его стиховъ, одни называли Пчелою, а другїе Аттическою Сиреною. Онъ родился въ LXXI. году Олимпїады, за 14. или 15. лѣтъ прежде Ксерксова похода въ Грецїю. Былъ великаго разума и великаго духа, которой онъ оказалъ во многихъ случаяхъ, будучи Генераломъ въ Аѳинской армїи съ Перикломъ. Онъ написалъ сто двадцать Трагедїй съ нѣсколькими Елегїями и Гимнами Аполлону: но изъ такъ великаго числа театральныхъ его штучекъ, едва только потомству семь остались. Сей великїй мужъ къ важности и совершенству Трагедїи весьма много споспѣшествовалъ; и былъ несра-

на нѣкоторой безсмертія видъ
въ наслѣдіи моихъ потомковъ.
Ибо когда возвращаюсь въ домъ,
я обрѣтаю одинадцать внуковъ,
всѣхъ единаго отца и единыя ма-
тери сыновъ, всѣхъ здравыхъ,
всѣхъ, сколько предвидѣть можно,
равно къ наукамъ какъ и къ хоро-
шимъ поступкамъ склонныхъ, и
весь-
несравненно обстоятельнѣе дѣй-
ствительнѣе и разсудливѣе, неже-
ли всѣ тѣ, которые прежде его
писали. Говорятъ, что до временъ
Софокловыхъ трагической ликъ со-
ставляли только двенадцать лицъ,
но что Софоклъ къ симъ ещс дру-
гія три прибавилъ. Древніе писа-
тели упоминаютъ, что онъ всѣхъ
лѣтъ жилъ 85. Сія долговремен-
ная старость подала причину одно-
му изъ его сыновъ, позвать его въ
Сенатъ, дабы повелѣно было впредь
приставить къ нему Опекуна, какъ
къ такому человѣку, который на-
чинаетъ ужѐ лишаться ума, и ко-
торый ужѐ больше не въ состояніи
домомъ править. Но онъ, пришедъ
предъ Ареопагитовъ, прочелъ часть
своего

весьма тщательныхъ. Я наслаждаюсь ихъ пѣніемъ и добронравіемъ: часто я и самъ пою, понеже голосъ у меня теперь чище, и противъ прежняго гораздо громче (о).

Изъ сего явствуетъ, что жизнь, которую я въ сей старости живу, не есть жизнь мертвая, печальная и скучная, но жизнь бодрая веселая и пріятная. И я испин-
своего Едипа, коего тогда сочинялъ: потомъ безъ всякой робкости ихъ спросилъ, содержитъ ли подобное Сочиненіе какіе либо признаки упадка въ его разумѣ? Ареопагиты, услышавъ разсужденія его неотрическія, тотчасъ неблагодарнаго сына велѣли выслать съ безчестіемъ. Ле Февръ въ *жит. Греч. Пиит.* полагаетъ, что онъ въ XCII. году Олимпіады умеръ.

(о) Неудобопостижимое въ родственной Физіологіи дѣло: для чего дѣды и бабы, прадѣды и прабабы, внуковъ своихъ больше любятъ и нѣжатъ, нежели самы родители? Для чего сіе усердіе и горячность тѣмъ вящше возрастаютъ, чемъ внуки

истинно, естьли бы въ нашей волѣ было избирать, никогда бы не захотѣлъ промѣнить лѣта и нынѣшнее тѣла моего состояніе на младость тѣхъ наипаче юношъ, кото-

внуки взрослѣе, съ которыми они охотно пляшутъ, играютъ, поютъ, плачутъ и спятъ? И для чего къ нимъ жалостливѣе и снисходительнѣе, хотя бы внуки что либо и наказанія достойное здѣлали, наприм. надъ дѣдушкою издѣваться, бабушкѣ кукишь показать, и проч.? Для того ли, что старики, какъ въ пословицѣ, сызнова ребячатся? или что такіе уже люди оставивъ смотрѣніе хозяйства, и будучи свободны отъ всѣхъ заботъ, по большей части сидятъ дома, съ внуками непрестанно обращаются, на нихъ глядятъ, и ихъ обнимаютъ, цѣлуютъ, и чрезъ то на конецъ къ нимъ сильно пристращаются? Что бы то ни было: по крайней мѣрѣ то неоспоримо, что, естьли малыхъ ребятъ странныя дѣйствія чужаго человѣка, былъ бы онъ печаленъ, гнѣвенъ или во-

все

которые, хотя въ протчемъ преизряднаго сложенія и природы весьма крѣпкой, но слѣдуютъ по своимъ прихотямъ; понеже такіе юноши ежедневно подвержены бываютъ тысячѣ болѣзней и смертей,

все къ ребятамъ неохотникъ, иногда удивляютъ и развеселяютъ: возможно ли союзникамъ крови не прійти въ восхищеніе, видя при томъ и дѣтскія къ себѣ ласкательства, и явочное имени своего прехожденіе и пребываніе въ роды родовъ.

Любопытства достойное, что у Птоломея (*кн. VIII. толкоп.*) читаемъ о Царѣ *Массинассѣ*, который вмѣсто обезьянъ и щенковъ, имѣлъ обыкновеніе воспитывать въ своемъ дворцѣ великое число ребятъ маленькихъ, которыхъ послѣ трехъ годовъ опять отсылалъ къ ихъ родителямъ, а на ихъ мѣсто другихъ набиралъ. Безъ сумнѣнія сей Государь находилъ въ нихъ своего утѣшенія и удовольствія больше, нежели въ взрослыхъ шутахъ и комедіантахъ, коихъ въ положенные часы иногда отъ скуки, часто

тей, какъ то насъ сему вседневный опытъ учитъ, и я въ юношествѣ моемъ самъ надъ собою довольно испыталъ. Я знаю, сколь сія юность легкомысленна, и отъ изо-

часто для празности, обыкновенно слушаютъ. И что сего упѣшнѣе быть можетъ, какъ, вошедъ разсудкомъ въ юнѣйшія лѣта, видѣть, когда одинакихъ лѣтъ ребята межь собой играютъ, кричатъ, предпринимаютъ, разсуждаютъ, спорятъ, дерутся и мирятся? Уповательно, что *Алоизій Корнаро* для сей причины говаривалъ: что ребята даже до пяти лѣтъ будто какъ маленькіе комедіанты и плуты: Сенека, *въ Кн. о Душевномъ Спокойствіи*, припоминаетъ, что *Сократъ*, сей славный Философъ, даже и играть съ ребятами не спыдился: и говорятъ, что онъ сіе дѣлывалъ нетолько для облегченія и увеселенія душевнаго; но въ тожъ время и философствовалъ, т. е. примѣчая, разсуждая и предузнавая, какіе нравы и склонности, и какая ума острота, имѣли быть въ томъ или другомъ мальчикѣ. Но

изобилія естественнаго жару отважна, довѣряющая себѣ премного, во всемъ благая обѣщающая, или для недостатка собственныхъ

Ж опы-

Но сія Бабушекъ безпредѣльная къ внучкамъ страсть нерѣдко младенцамъ, а особливо недавно рожденнымъ, бываетъ погибельна. Часто случается, что младенцы при всемъ томъ, что Бабушки днемъ и ночью поминутно почти ихъ кормятъ и поятъ, не только отъ того ничего не питаются: но еще часъ отъ часу худѣютъ больше, начинаютъ хворать безсонницею, и, не взирая ни на какое бабушкино соболѣзнованіе, наконецъ умираютъ сущею чахоткою. Родители видя иногда такое своихъ дѣтей состояніе, удивляются, и обыкновенно тогда говорятъ, что младенецъ что то не растетъ, и чего бы ему не доставало. Но кто бы могъ повѣрить, что все сіе нещастіе происходитъ отъ того, есть ли дряхлые Бабушки кладутъ своихъ внучковъ съ собою спать на одной постѣлѣ. Тайна сія дѣлается въ естествѣ слѣдующимъ способомъ

Bayerische Staatsbibliothek München

опытовъ, или, понеже юноши думаютъ, что они на все довольно крѣпки и довольно сильны. Посему они себя всякимъ опасностямъ бомъ. Старыхъ людей кожу, и тѣмъ больше чемъ они старѣе, надобно признать за такую вещь, которая отъ многихъ пародышущихъ проходовъ засышенїя и затворенїя, какъ и отъ недостатка соковъ, влажностей выдохновенїя почти уже не имѣетъ никакого: и походитъ больше на сухую грецкую губку, которая влагу въ себя вбираетъ, а изъ своихъ ноздрей уже не выпущаетъ. Младенческую же кожу, и тѣмъ больше чемъ она къ рожденїю своему ближе, надлежитъ уподобить рѣшету, а все младенцево тѣло нѣкоторой громадѣ больше жидкихъ, нежели твердыхъ частей, которыя жилкости, будучи побуждаемы скорѣйшимъ и дѣйствительнѣйшимъ сердца движенїемъ нежели у престарѣлыхъ, истекаютъ изъ него сквозь кожныя скважины подъ видомъ тончайшихъ паровъ, единымъ токмо искуствомъ видимыхъ, какъ безъ всякой трудности, такъ и въ

весьма

стямъ смѣло подвергаютъ, и, изгнавъ разсудокъ, и предавъ его повелѣніе въ руки похотѣній, вездѣ ищутъ удовольствовать свои же-

 ланія;

весьма знатномъ количествѣ. Сіе учинивъ, нетрудно всякому понять, что засохшее старое тѣло, будто какъ жаждущее чужія влаги, отъ въ близости лежащаго молодаго мягкаго и сочнаго тѣла обильно истекающіе пары не только всасываетъ въ себя по причинѣ ихъ прикосновенія: но оные еще сильнымъ притяженіемъ къ себѣ притягиваетъ, и истощаетъ до тѣхъ поръ, пока уже или больше въ себя вмѣстить не можетъ, или посторонною какою либо привлекшеюся силою, какъ наприм. холоднымъ воздухомъ, оные въ изнуряющемся тѣлѣ остановятся. Нечувствительнымъ симъ способомъ старые получаютъ пользу т. е. отъ поглощенныхъ въ себя юныхъ и здравыхъ паровъ оживотвореніе и нѣкоторое питаніе: между тѣмъ, когда невинныя юнѣйшія твари лишаются чрезъ то собственнаго здравія, и самыя жизни.

Отку-

ланія; нижѐ примѣчаютъ бѣдные, что такимъ способомъ многія себѣ болѣзни, нерѣдко и безвременную смерть наживаютъ: изъ коихъ злоключеній одно сноситъ горько, другое несносное и ужасное. Ибо смерть представляется несносна всѣмъ пристрастій и плоти плѣнникамъ, наипаче юношамъ, кои за превеликое зло щита-

Откуда слѣдуетъ, что маленькихъ лѣтей вмѣстѣ съ престарѣлыми людьми класть спать не должно. Но при семъ случаи и то выразумѣть можно, какой прибытокъ старикамъ, которые на молодыхъ женятся, или за молодыхъ замужъ выходятъ? и на какой конецъ Врачи совѣтуютъ какъ болѣзнію обезсиленнымъ юношамъ, такъ и старикамъ, отъ древности лѣтъ въ изнеможеніе пришедшимъ, лежать съ юношами молодыми и здоровыми вмѣстѣ? какъ то совѣтовали Израильскому *Царю Давиду* опроковицъ, дабы въ старости, какъ пишется въ *Книгахъ Царствъ*, тѣло его согрѣвали.

щитаютъ, умереть прежде времени. Она страшна и тѣмъ, кои свои грѣхи, въ которыхъ смертная сія жизнь утопаетъ, и отмщеніе правды божія въ вѣчности казней полагаютъ.

Но я напротивъ отъ обоихъ сихъ злоключеній свободенъ: отъ боязни болѣзней, понеже заподлинно знаю, что святымъ воздержанія Врачевствомъ имѣя я причины болѣзней пресѣченны, въ тяжкую болѣзнь не такъ легко впаду; отъ томнаго страха смерти, понеже толиколѣтною жизнію научился уступать мѣсто разуму. По сей причинѣ не только кажется мнѣ мерзко, ужасаться того, чего избѣжать не льзя: но еще надѣюсь, когда къ сему концу притеку, что я благодатію Іисуса Христа немалое обрадованіе восчувствую.

При семъ же, сія кончина далеко еще отстоитъ отъ меня.

Ибо несумнѣнно вѣдаю, что я (исключивъ нечаянные случаи) инако не умру, какъ чистымъ разрѣшеніемъ; потому, что порядочною моею жизнію заградилъ смерти всѣ протчіе пути. Изрядна и желательна смерть, которую намъ предопредѣлило естество, путь разрѣшенія! Ибо, какъ естество нашей жизни устроило союзъ, такъ и къ разрѣшенію онаго находитъ легчайшій способъ, и вящшимъ медлѣніемъ ласкаетъ, чтобъ потомъ какъ наикротчайше разрѣшить. Таковая смерть случается только по долговременномъ житіи, и силою слабости весьма великія; понеже люди отъ ветхости лѣтъ своихъ нечувствительно приходятъ въ такое состояніе, что больше уже не могутъ ни ходить ни безъ трудности разсуждать, и бываютъ слѣпы глухи и скорчены: отъ коихъ болѣзней, благодарю Творца моего, я вижу себя далеко еще от-

отстояща; и уповаю, что душа, которая въ нынѣшнемъ тѣла моего пребыванiи ничего кромѣ тишины и согласiя не находитъ какъ между мокротами, такъ и между страстьми и разумомъ, не такъ скоро изъ него изыдетъ, но еще многiе года надобны, да отъ него разлучится. Откуда по мнѣнiю моему вѣрно можно заключить, что я еще при благополучномъ здравiи поживу много лѣтъ, наслаждаясь мира сего видомъ и красотою, въ надеждѣ, что свѣтомъ Славы Божiя такожде наслаждаться стану и въ грядущей жизни: все же сiе помощiю добродѣтели и святыя трезвости коей прилѣпился, содѣловая себя другомъ разуму а врагомъ плоти и похотѣнiй: что конечно всякому здѣлать нетрудно, кто только хочетъ жить такъ, какъ должно человѣку.

Остается мнѣ теперь, понеже трезвая жизнь есть толь бла-

женное дѣло, имя любезное, стяжаніе удобное, и соблюденіе ея несумнѣнное и толь твердое, подаетъ отъ чистосердечія моего всѣмъ благоразумнымъ наставленіе совѣтъ и увѣщаніе, да преизобильное сіе въ жизни сокровище распростертыми руками обымутъ. Которое сокровище, сколько всѣ протчія мира сего богатства превышаетъ (ибо даруетъ намъ житіе долгоденственное и здравое): столько достойно, да всѣ оное возлюбятъ, взыщутъ и всегда имъ пользуются.

Сіе сокровище есть святая оная трезвость, пріятна Богу, другъ естеству, дщерь разума, сестра добродѣтели, сверстница умѣренныя жизни непостыдна, благородна, изрядна, немногимъ довольна, благоустроенна и своими дѣлами знаменита.

Отъ нея, какъ отъ корени, происходятъ жизнь здравая, пру-

долю-

долюбіе, къ честнымъ дѣламъ прилѣжаніе, и всѣ дѣйствія достойныя кроткаго и благосклоннаго сердца; ей пріятствуютъ Законы Божіе и человѣческіе; отъ нея, аки туманъ отъ солнца, бѣгаютъ преисполненіе, пресыщеніе, похмѣлье, излишныя мокроты, вредные пары, нераствореніе, лихорадки, горячки, боли, печали, и самая смертная напасть. Благороднаго духа людей привлекаетъ она своимъ благолѣпіемъ; безопасностію своею обѣщаетъ всѣмъ жизнь сохранить пріятельски и долговременно; удобствомъ своимъ приглашаетъ всякаго одержать ея побѣды малѣйшимъ трудомъ. Наконецъ обѣщается быть милостивымъ стражемъ житію такъ богатаго какъ и убогаго, такъ мужа какъ и жены, старца равно какъ и юноши. Богатаго учитъ умѣренности, убогаго бережливости, мужа постоянству, жену цѣломудрію, стараго какъ за-

щищать себя отъ смерти, молодаго да надежду о жизни своей тверже имѣетъ. Трезвость чувства дѣлаетъ чистыя, тѣло неутомимое, разумъ быстрой, движенія свободныя, дѣйствія скорыя и легкія. Посредствомъ оныя душа, аки бы сложивъ изъ себя земное оное бремя, ощущаетъ свою свободу большею частію; духъ жизни протѣкаетъ артеріи съ усла-жденіемъ (*л*); кровь въ жилахъ кротко разливается; и естествен-

ный

(*л*) Сіе мнѣніе съ нынѣшнимъ Врачей ученіемъ больше несогласно. Авторъ живучи во времена, въ которыя *Кровообращеніе* было еще неизвѣстно, прилержался ученію Еразистратову, который думалъ, что кровь только въ жилахъ, а въ артеріяхъ жизненныя духи содержатся. Кажется что *Галенъ*, которому незнаніе Кровообращенія такожде приписуютъ, *Еразистрата* съ его послѣдователями довольно обличилъ, написавъ цѣлую книгу съ тѣмъ же проименованіемъ, что

Кровь

ный жарЪ будучи умѣренЪ и кротокЪ, производитЪ вЪ насЪ умѣренное и кроткое. НаконецЪ всѣ наши силы вЪ преизрядномЪ порядкѣ хранятЪ пріятнѣйшее согласіе.

О всесвятая и всенепорочная трезвость, единое естества прохлажденіе, милосердая мать человѣческія жизни, истинное какЪ душѝ такЪ и тѣла Врачеваніе! Колико бы тебя смертные превозносить, и съ коликимЪ бы усердіемЪ и скоростію обымать должны, что падаешь имЪ способЪ, какЪ

Кровь въ артеріяхъ естественно содержится. ВЪ сходственность Галенову ученію скажемЪ, что вЪ бьющихЪ сосудахЪ кровь не только содержится просто, да еще непрестаннымЪ и стремительнымЪ теченіемЪ съ мѣста на мѣсто переходитЪ; и что изЪ прочихЪ мокротЪ она одна есть, которою питаются тѣла нашего части; оставшая же отЪ того питанія вбираетсяся вЪ жилы кровопускательныя, и паки возвращается кЪ сердцу, откуда излїялася прежде сего.

какъ беречь величайшее сея жизни благо, животъ говорю и здравіе! О когда бы имъ всѣ твои дары извѣстны были! наипаче же тѣмъ, кои посвятивъ себя духовному и неблазному житію, трудятся въ Монастыряхъ въ богомысліи и въ молитвѣ. Колико бы и самы они и труды ихъ пріятны были Богу, естьли бы предводительницею тебя имѣть, всѣмъ сердцемъ обратились. Колико бы они Вселенную сію и Церковь Христову украшали! Ибо на земли почитали бы ихъ за святыхъ Отцевъ не инако, какъ въ древнія времена почитаемы были Пустынножители, Законники, и Епископы, кои сверьхъ житія духовнаго и трезвое хранили. И, какъ древніе симъ способомъ живучи, проживали свыше 100. лѣтъ, и многая чудеса творили: равнымъ образомъ и нынѣшніе, естьли бы тойже житія предводительницѣ послѣдовали, тоже бы могли достигнуть.

Сверьхъ

СверьхЪ сего былибы здравы, собою довольны и благодушествующіе: вмѣсто того, что теперь по болъшей части хворы, унылы, задумчивы, духомЪ неспокойны, и жребіемЪ своимЪ недовольны. И понеже нѣкіе изЪ нихЪ говорятЪ, что сія имЪ бываютЪ попущеніемЪ БожіимЪ, да искуситЪ ихЪ терпѣніе, и о беззаконіяхЪ своихЪ покаяніе принесутЪ: я думаю, что они сильно обманываются; ибо не могу вѣритъ, чтобЪ Богу пріятно было, дабы человѣкЪ, дѣло и образЪ его, котораго столько любитЪ, жилЪ отчаевающимся, разслабленнымЪ, и ропщущимЪ на себя, а паче нравится ему, да живетЪ здравЪ, благонадеженЪ, подвиголюбивЪ и за все благодаренЪ. ТакЪ древле живали святые Отцы, и трудящеся вЪ молитвахЪ и другихЪ благочестивыхЪ дѣлахЪ, Величеству Божію тѣмЪ лутше служили. О сколько бы красенЪ былЪ сей мирЪ,

естьли бы въ нынѣшнія времена такіе Законники и Законницы были! ибо теперь христіанскихъ законовъ и монастырей несравненно больше, въ которыхъ, естьли бы хранимо было прáвило трезвыя жизни, коль великое бы число было почтенныхъ стариковъ, ученіемъ своимъ и святостію именитыхъ, коимъ бы истинно свѣтъ удивлялся. Нижè бы чрезъ то они нарушили цѣлость здравія, чина и порядочныя жизни, которую Законъ или монастырь уставилъ, но паче бы сію совершеннѣйшею сдѣлали. Ибо во всякомъ Законѣ дозволено вкушать отъ хлѣба и вина, иногда и отъ яицъ, въ нѣкоторыхъ же и мясо не запрѣщено; сверьхъ сего разныя похлѣбки, салаты, плоды и яичницы; которыя снѣди хотя инымъ часто вредятъ, а у нѣкіихъ и жизнь отымаютъ, однако, понеже уставомъ дозволены, оныя употребляютъ, въ пре-

предувѣренiи, что въ грѣхъ впадутъ, естьли бы отъ сихъ пищей что либо отложили. Однако бы они не согрѣшили, да еще бы великое добро сдѣлали, естьли бы по прошествiи придцати лѣтъ своего возраста, оныя оставили, и начали жить на одномъ хлѣбѣ и виноградномъ винѣ, употребляя притомъ негустую кашу изъ хлѣбныхъ крошекъ (ρ) и вареныя въ снятку яицы съ хлѣбомъ.

Сей есть истинный способъ, какъ человѣка предохранить отъ вредныхъ соковъ и мокротъ и отъ худыхъ тѣлесныхъ свойствъ; но который

(ρ) Iталiянское слово *Panatella* есть родъ негустой каши, которая особливо полезна для больныхъ и слабосильныхъ, и варится изъ мякиша пшеничнаго или ржанаго хлѣба на водѣ, на подобiе руской Саламаты. Для лутшаго питанiя иногда кладутъ въ нее яицы. Часто прибавляютъ тиковныя сѣмена, есть ли намѣренiе есть, чтобъ она прохлаждающую силу имѣла.

торый гораздо роскошнѣе, нежели древнихъ С. Отцевъ въ пустыняхъ, кои только плодами лѣсными и кореньми травъ питалися, и пили воду: однако при всей той самострожайшей Діетѣ весьма долго проживали здравы подвижны и довольны.

Тоже бы воспослѣдовать могло Законникамъ нашего вѣка, кои симъ способомъ еще бы легче восходили на небо, которое всякому несуевѣрному Христіянину всегда отверзто, послѣ того какъ Господь нашъ излiявъ за искупленіе наше дражайшую свою кровь, оное намъ однажды уже отверзъ.

Я бы могъ здѣсь много произнесть въ похвалу *Трезпыя Жизни*; но понеже нѣтъ у меня намѣренія писать Панегирикъ: того ради оканчиваю, да и самъ въ семъ дѣлѣ трезвъ пребуду, отложивъ протчее къ другому времени.

Bayerische Staatsbibliothek München

RICH
derei
urg/L.

BSB Bayerische StaatsBibliothek
MDZ Münchener DigitalisierungsZentrum Digitale Bibliothek

Cornaro, Luigi,

Ludovika Kornelija Venecianina Opyt o pol'zě trezvyja žizni

Moskva 1768

Path. 1546 w
urn:nbn:de:bvb:12-bsb10476161-5